

Септет
расстроенных
Душ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭССИ КРАУЗ

18+

Кэсси Крауз

Септет расстроенных душ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70364968

SelfPub; 2024

Аннотация

После смерти близкой подруги все в жизни Бекки пошло наперекосяк. На три года она замыкается в своем горе, не замечая жизни вокруг, пока однажды не получает письмо от незнакомки из крошечной деревни Джинбери. Странная просьба снять репортаж о сельской ярмарке в момент отчаяния уже не кажется Бекки такой невыполнимой. Соглашаясь приехать, она не догадывается, что принимает решение, которое впоследствии переломит жизни семи человек. Джинбери подарит Бекки шанс отпустить прошлое и обрести подлинную любовь. Ведь жители деревни хранят огромную тайну, и она никак не связана с рецептом их мармелада из имбиря.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Покидая Туманный Альбион	10
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Кэсси Крауз

Септет расстроенных душ

*Посвящаю эту книгу всем, кто борется. За
жизнь, за правду, за любовь.*

Пролог

Зеленый садик на улице Эннисмор Гарденс озарялся солнцем, даже когда Лондон поливали дожди. Вместе с лимонным деревом и розовыми кустами в нем выросло семеро детей. Три принцессы и четверо рыцарей, готовых в любую минуту встать на их защиту.

Когда появился пятый рыцарь, они перестали быть детьми. Мальчишеский смех стал ниже и грубее, девичий – тоньше и кокетливей. Игры в пиратов сменились разговорами за чашкой кофе, детские раскраски и цветные карандаши убрали в коробку на чердаке. Единственное, что осталось неизменным – забота рыцарей о своих повзрослевших принцессах.

Шарлотта копала ямку для нового куста гортензии. Ее тонкие изящные руки умело обращались как с художественной кистью, так и с маленькой лопаткой. В шезлонге неподалеку растянулся Рэндал в солнцезащитных очках. Изучая сквозь стекла открытые плечи Лотти, он достал из пачки сигарету и приготовился закурить.

– Если ты опять будешь использовать горшок с геранью вместо пепельницы, я надену его тебе на голову! – командирский голос Бекки заставил Лотти вздрогнуть, а Рэндала саркастически хмыкнуть.

– Бекси, тебе совершенно незачем так орать. Пускай во

мне и бултыхается бутылка виски, но она никак не влияет на мой слух.

– Ты только и можешь, что пить и курить! – Бекки, не скрывая своего раздражения, отвернулась, расплетая волосы, влажные после тренировки по плаванию.

– Посмотрю, что ты скажешь, когда я стану лучшим хирургом Великобритании!

– К тому моменту Бекки уже трижды станет олимпийской чемпионкой по кролю! – вступился за подругу красавец Бруно, еще один пловец.

– Элси опередит меня, я уверена! Мне еще ни разу не удалось ее обогнать. Наша маленькая акула! – Бекки подлетела ко мне, чтобы обнять покрепче. И, хотя я была выше на полголовы, умом и харизмой Бекки превзошла меня еще в средней школе. Чмокнув меня в щеку и смущенно улыбнувшись Вэйлону, нашей говорящей статуе, она устроилась между нами на каменной оградке и опустила голову мне на плечо.

– Ты хотя бы пошла на плавание из-за любви, а не потому, что чуть не утонула в детстве! – со смехом отозвалась я, переглянувшись с Вэйлоном. Хотела добавить еще что-то, но утратила ход мысли, едва почувствовав на себе взгляд любимых глаз. Он только вернулся из Сити, даже не успел переступить порог садика. Прислонился плечом к створке французской двери и наблюдал за мной.

– Декстер! – радостно вскрикнула Бекки, проследив за моим взглядом.

– Привет, Бекс! – отозвался Декстер, копируя улыбку своей младшей сестры. А после он подошел ко мне. И, когда его руки опустились на мои пылающие щеки, словно шорами закрывая от внешнего мира, я смогла лишь выдавить робкое «здравствуй». Как же я любила его, моего Декстера! Солнце так сильно не любило небо, как я любила его. Этого мужчину с таким огромным и любящим сердцем.

– Я соскучился, – прошептал он прежде, чем накрыть своими губами мои.

Декстер занял освободившееся место Ребекки, устроив меня у себя на коленях, и начал расспрашивать молчуна Вэйлона о его успехах в архитектурном колледже.

– Он такой статичный, что мог бы сам подрабатывать экспонатом в музее! – поддразнивал друга Бруно. Эти двое, что скрывать, были самыми симпатичными из всех наших рыцарей. И, если Вэйлону было все равно на свой внешний вид, то Бруно считал сей вопрос их личным камнем преткновения.

– Он уже подрабатывает нянькой, водителем и посыльным, статуя никак не вписывается в его распорядок дня! – с нескрываемым сарказмом заявил подошедший поздороваться Рэндал.

– Тише, ты! – шикнула на него я, бросая взволнованный взгляд в сторону Бекки.

Но нет, ей было уже не до нас. Всем ее вниманием завладел тот самый пятый рыцарь, что приехал из сити вместе с Декстером.

Высокий темно-русый красавец Дерек напоминал собой породистого жеребца, который ни разу в жизни не проигрывал скачки. Он обнимал Бекки крепко и в то же время нежно. Он целовал ее на глазах у всех нас так, будто они были в этом садике одни. Ее серые глаза искрились счастьем и предвкушением, когда он шептал ей признания на ушко. Когда Бекки согласно кивнула, Дерек оторвал ее от земли и закружил вокруг своей оси, снова слив их губы воедино. Их союз напоминал грозовые тучи, потому что всякий раз, когда они сталкивались лбами в ссоре или порыве страсти, дрожала земля и звенели стекла.

Когда Бекки убежала в дом за новой порцией лимонада, довольный Дерек подошел к нам.

– Девочки, вы же узнаете размер ее безымянного пальца, правда? – он заговорщицки подмигнул нам с Лотти.

– Зачем же так торопиться? – удивилась я.

– Милый, так ты решился! – восторженно выдохнула Лотти одновременно со мной.

– Хочу, чтобы мы всегда были на одной стороне. – Почти смущенно отозвался Дерек. – К тому же жена не может свидетельствовать против мужа! – уже более расслабленно добавил он, смеясь.

– Значит, гулять на свадьбе будем, брат?! – довольно прогремел Бруно.

– Это будет шикарная свадьба! – радостно потер руки Декстер.

– Главное, чтобы Бекки была самой счастливой. – Ответил Дерек. – Кстати, Вэй, спасибо, что забрал ее вчера с тренировки, я бы никак не успел с работы вовремя.

– Да. – Невозмутимо отозвался Вэйлон. – С мокрой головой она бы простыла.

– Ну вот, я же говорил! – развел руками Рэндал. – В графике Вэя нет места для позирования! Разве что во время его традиционных итальянских каникул, на которые нас с собой никогда не берут!

И все мы расхохотались. Наш смех звенел и прыгал по лепесткам роз, гортензий и герани, поднимаясь все выше и выше. К лимонным деревьям, лавру и облакам.

Мы были все вместе. Три принцессы и пятеро рыцарей. Мы были молоды, влюблены и свободны. Впереди нас ждала необъятная и прекрасная жизнь. Мы были друг у друга. Мы жили в замке, построенном из доверия, дружбы и любви.

И мы не ведали, что самое страшное, когда врагом и благодетелем оказывается один и тот же человек.

Но теперь я это знаю, потому что я мертва.

Часть 1. Покидая Туманный Альбион

Милая, ты знаешь, я был бродягой. Я обожал мотоциклы и рисунки сигаретного дыма на облаках.

Ты писала на мосту закат акварелью, а я залез на фонарный столб и заслонил тебе горизонт. В тот день ты пыталась укротить свой страх темноты мазками кисти, но вместо этого одним только взглядом укротила меня. А я заступил на стражу твоих сновидений.

Ты впорхнула в мое холостяцкое прокуренное гнездо, будто мотылек, увлеченный огнем. Но я никогда не играл тобой. Я потушил пламя, чтобы не опалить тебе крылья, и оставил его только в своих глазах. Потому что иначе смотреть на тебя попросту невозможно.

Простыням всегда было и будет жарко от нашей любви. Пары с полотен всех музеев мира всегда будут завидовать нашей страсти, но только им я позволю глядеть на твои пылающие щеки. Пусть они взирают на нас через призму столетий и отчаянно желают ожить. Чтобы испытать то самое чувство, за которое бились прежде на рыцарских турнирах, стрелялись на дуэлях, продавали душу, а теперь пропивают печень.

Твоя рука так идеально помещается в мою ладонь, что

иногда мне кажется, Микеланджело был бы не против снять с наших сплетенных пальцев слепок. Видишь, милая, я учусь. Хоть и по-прежнему считаю, что целуюсь лучше, чем тот парень с твоей любимой картины Густава Климта.

Мой пульс стал эхом твоего, а стрелки моего циферблата в панике мечутся по кругу, потому что времени, проведенного с тобой, всегда мне будет бесконечно мало, но оно несется вперед безбожно быстро.

Твое дыхание слаще дыма, и я пьянею от тебя сильнее, чем от бурбона, впрочем, он и не нужен мне больше.

Милая, ты знаешь. Я был бродягой. И никто не учил меня, как правильно писать клятвы. Мой шафер велел загуглить. Вот и сейчас он обреченно вздыхает, думая, что у меня ничего не выходит. Но я все равно рад, что его не послушал.

Я шатался по этой жизни в вечном пьяном бреду, пока не появилась ты. Ты и есть моя клятва! Мой цветок, который я выкрал из райского сада и навсегда забрал в свое сердце.

Я надеваю на твой палец это кольцо и обещаю, что буду держать твою руку, пока не закончится Млечный Путь. Я буду любить тебя, пока не замерзнет Солнце. Я буду твоим мужем, пока мой прах не растворится во Вселенной.

Это все, что я хочу сказать тебе, Мэри. Я был бродягой. Ты сделала меня человеком.

Твоя любовь подарила моему сердцу дом.

Хорошо, что на свадьбах принято плакать. На вкус все слезы одинаковы. Никто не поймет, радость это или печаль.

Я не Мэри. И это не моя свадьба. Я лишь подружка невесты на свадьбе того, кому принадлежит мое сердце.

Глава 1

Получить бриллиант в уникальной огранке на безымянный палец от Дерека Блэкшира и выйти за него замуж в платье от Эли Сааб в «45 Парк Лэйн», одном из самых дорогих отелей Лондона с видом на Гайд-парк, мечтала каждая девушка.

Я была к этому ближе всех. Пока не появилась Мэри Траут. Очаровательная художница, чьи пальцы были вечно заляпаны краской. Дерек коллекционировал талантливых людей, а я была венцом его коллекции, пока несчастный случай не столкнул меня с пьедестала.

Затуманенным слезами взором я обвожу собравшихся на церемонии гостей. Родители Мэри и Дерека сидят в первом ряду. всю жизнь они вращались в разных кругах, но теперь их разделяет лишь золотистая ковровая дорожка, усыпанная лепестками роз, по которым совсем недавно ступали босоножки Мэри от Джимми Чу. За ними – ряды многочисленных родственников с трогательно блестящими глазами. Клятва Дерека взволновала даже самые непреклонные души.

Церемония проходит на крыше отеля в лучах закатного солнца, которое так красиво подсвечивает бутоны роз и листья эвкалипта, что украшают арку. Вдобавок, оно озаряет совершенный профиль Дерека и устремленные на него влюбленные глаза Мэри, но в их сторону я стараюсь больше не

смотреть.

Подружек невесты четверо, и у каждой – ароматный браслет из эустомы и кустовых нежно-розовых роз. Отличительный признак подружки невесты. Но проблема в том, что я не подружка. Меня позвали четвертой, чтобы на фотографиях была симметрия: по две девушки с каждой стороны от Мэри. Но мне думается, это была задумка ее старшей сестры: галантно и изящно указать мне мое место. Первая с конца. Я всегда буду рядом, но больше никогда не окажусь достаточно близко. Как и никогда не смогу разорвать жизненных путев, что сплели наши с Дерекком руки.

Я перевожу взгляд на его шафера, лучшего друга, за которым он ринется и в огонь, и в воду, и в попойку. Шкаф высотой в шесть с половиной футов заслоняет собой половину арки, а костюм трещит на нем по швам. Его дымчато-серые глаза подернуты пеленой скупой мужской сентиментальности. Непослушные темные кудри разметал по массивному черепу легкий ветерок. Прямоугольный подбородок движется из стороны в сторону, и я точно знаю, он ковыряет большой палец, спрятав руки за спину. Декстер гиперактивен, как большой ребенок, стоять неподвижно для него – изощренная пытка.

Старшая сестра Мэри косится на него всю церемонию, видимо, хочет исполнить ритуал: главная подружка невесты спит с шафером, чтобы брак молодых был крепче. Но ей совершенно не о чем переживать по двум причинам. Первая:

Дерек ко мне не вернется, слишком больно. Вторая: Декстер слишком сильно любит меня, чтобы пойти у нее на поводу. Ведь я его младшая сестра.

Вэйлон, Бруно и Рэндал, друзья еще со школы, ведут себя на удивление чинно, стоя рядом с Декстером. Бруно – прямо напротив меня. Я не выдерживаю сочувствия в его взгляде и снова отвожу глаза к гостям, которые заворуженно внимают трогательной клятве Мэри. Нахожу среди присутствующих Шарлотту. Ее усадили за бабулей в широкополой шляпе с перьями, так что она вынуждена качаться из стороны в сторону вместе с ветерком, чтобы разглядеть церемонию через эту конструкцию.

Когда она ловит на себе мой взгляд, ее худое личико вытягивается еще больше. Она смахивает с плеча завитый локон густых каштановых волос и выпрямляет спину. Теперь Лотти смотрит на меня поверх шляпы с перьями, и в ее васильковых глазах отражается моя боль. Три крупные слезы выкатываются из моих глаз одна за другой.

– Дорогой, я никогда не причиню тебе боль, – мягкий голосок Мэри срывается, и я оборачиваюсь на нее ровно в то мгновение, когда ладонь Дерекка с нежностью накрывает ее дрожащие пальчики. Во взгляде – бесконечная любовь и благодарность: Мэри Траут залечила его душу. Душу, которая была истерзана мной.

Дерек и Ребекка. Да одни наши имена в тандеме звучали, как рев двигателя мотоцикла. Со мной Дерек пил с лок-

тя текилу, купался ночью голышом в общественном бассейне, целовал меня на Тауэрском мосту, я приоткрывала рот, а он выдыхал мне в губы кольца сигаретного дыма. Мы гоняли на одном мотоцикле вдоль Темзы и разрывали рокотом улицу Стрэнд. Наша жизнь была беспокойной, красочной и буйной. И я никогда бы не подумала, что Дерек захочется обрести покой. Но он обрел его, и обрел вместе с Мэри Траут. Отдал свой мотоцикл Бруно, снял кожаную куртку и закинул ее в дальний угол шкафа.

И вот теперь Дерек не сводит влюбленных глаз со своей без двух минут жены, мой благородный мужественный рыцарь. Когда Мэри смахивает со щеки слезинку и вверяет ему свое сердце, они оба забывают об одном. В его руках уже есть одно. Мое.

Дерек мне его так и не вернул.

Даже капризный лондонский сентябрь благоволит этому браку. Дождевые тучи словно ждали момента, когда последний гость покинет крышу и спустится в просторный банкетный зал. Когда звучит первый тост за молодых, тяжелые капли начинают биться в огромные окна.

– Дождь – это к счастью! – кричит Бруно, главный почитатель всех примет, и гости подхватывают: к счастью!

Первый танец молодых лишает мое разбитое сердце даже шанса снова собраться воедино. Они танцуют под «Я буду» группы «Stanfour»¹, песню, что я орала во все горло, намывая

¹ Немецкая рок-группа.

окна в родительском доме десять лет назад, когда мне было двенадцать. Сестра Мэри смахивает со щеки несуществующую слезинку и планирует пригласить на танец Декстера. А Дерек кружит Мэри под роскошной хрустальной люстрой, и подол ее платья утопает в густом дыму, который пустили по полу специально для их волшебного вальса.

Мэри Траут, стройная миниатюрная блондинка с фарфоровой кожей и пронзительными голубыми глазами, покорила не только сердце Дерека. Если бы не его безапелляционная жадность, она бы стала женой Бруно, Вэя или Рэна. Да кого угодно, только не моего Дерека! Но нет, он готов был пасть перед ней на колени еще в их первую встречу на мосту Миллениум. Я видела. Я сидела позади него на мотоцикле, когда он дал по тормозам. Я икала от хохота, глядя на его пьяные кривляния перед девушкой с этюдником. Тогда, два года назад, я думала, мы еще возможны.

Но сейчас я вижу Дерека, который, прикрыв свои янтарные глаза, тихонько подпевает на ухо Мэри строчки из теперь уже их песни. Вижу, как Мэри проводит пальцами по его коротко стриженному затылку, и он покорно подается навстречу ее сияющему лицу.

Когда же он целует ее, нежно и пылко одновременно, я нервно всхлипываю и залпом осушаю бокал шампанского.

– Бекки, закусывай, – шепчет Лотти, придвигая блюдо с тарталетками. – Отсидим танец невесты с отцом и уйдем отсюда, обещаю.

Я поднимаю на нее затуманенные алкоголем и слезами глаза и покорно запихиваю в рот изысканную закуску с крабом. Не успеваю я прожевать, замечаю, как нетрезвой поступью в нашу сторону движутся Декстер и Рэн.

– «Бычков» потянуло на романтику, – грустно усмехается Лотти и покорно протягивает руку блаженно ухмыляющемуся Декстеру.

Парни вот уже восемь лет, как сдали форму «Бычков», школьной команды по регби, а от прозвища не отмылись до сих пор.

– Нет, нет, проваливай, – ворчу я Рэну. Он самый неприятный из всех друзей Дерека и Декстера. Грубое неотесанное животное, которое даже в смокинге выглядит, как бобер на плотине.

– Бекси, ты похожа на раскисшую селедку, – игнорируя мои протесты, сообщает Рэн и вытаскивает меня из-за стола.

– Сколько раз повторять?! Не называй меня Бекси. И ты мог хотя бы побриться? – бубню я, вытаскивая из-под его ботинка подол своего платья. – Это все-таки свадьба.

– А ты могла бы не критиковать меня хотя бы сегодня? Ты столько лет мне по мозгам ездешь. – Парирует Рэн. Он не танцует. Он будто проламывает мной ветки в чаще леса. Не бобер, а медведь. – Расслабься, Бекси, пора бы уже. Это свадьба, все, конец.

Конец.

Меня накрывает новая волна боли, я с силой толкаю Рэна

в грудь и бросаюсь к дверям. Пробегаю мимо своего брата, который травит анекдот на ушко Лотти, мимо сестры Мэри, отчитывающей официанта за грязный бокал, мимо Дерека, который нежно целует свою жену.

Мне нужен воздух. Воздух, в котором не витает аромат любви с яркими нотками счастья. Я распахиваю стеклянные двери, ведущие во внутренний двор, и вырываюсь в дождливую лондонскую ночь. Оказывается, я не дышала все то время, что неслась от столика для лучших друзей до этой желанной темноты.

Холодный ветер кусает мои голые плечи и размазывает слезы по щекам. А я все плачу и плачу, подставляя лицо пустоте. Слез так много, что мне кажется, это дождь прорвался сквозь крышу, и теперь умывает меня своими ледяными пальцами. Я стаскиваю цветочный браслет и швыряю его в урну к сигаретному пеплу.

Мэри позаботилась обо всем. Она сама заказала нам, подружкам невесты, платья. Не хотела, чтобы мы тратились на эти дорогие обрезки ткани цвета пыльной розы. Пыльная роза... оттенок, который всем идет. Но я сама ощущала себя пыльной розой, которую подарили, поставили в воду и забыли. Навсегда.

– Бекки?

Я оборачиваюсь. Кольца надеты, клятвы вечной любви произнесены. Теперь я могу показать свою боль. Ведь путь назад засыпан рисом и белоснежными лепестками роз.

– О, Бекс... – Декстер шагает ко мне, чтобы обнять, но я выскользываю из его рук и опускаюсь на крыльцо. А он набирает в грудь побольше воздуха, расстегивает фрак и садится рядом со мной на холодный камень. Потом вытаскивает из внутреннего кармана фляжку, опрокидывает в себя содержимое, достает сигарету и закуривает.

– Теперь давай... – выдыхает он вместе с дымом. И я рыдаю во весь голос, уткнувшись лбом в его широкое плечо.

– Тебе нужно забыть его, Бекс. – Спустя какое-то время произносит Декстер, задумчиво перекатывая между пальцами сигаретный бычок. – Уезжай. Живи дальше, как это сделали мы все.

– Разве ты смог забыть Элси? – тихонько всхлипываю я.

Декстер молча берет мою руку, сжимает ее в кулак, оставив свободным только большой палец, и проводит им по своему запястью. Ободком вокруг него тянется шрам.

Три года назад мой брат пытался покончить с собой.

Глава 2

«Доброе утро, Ребекка!

Ваше остроумие не знает границ, даже жаль, что в нашем журнале они имеются. Мы оценили ваш стиль работы с моделями, но никак не результат фотосессии. Мисс Тэмплинг, это высокая мода, а не календарь старлеток из пятидесятых! Модель дома «Прада», запивающая пивом кусок перепони, – возмутительная насмешка, которая обойдется вам штрафом в размере ста фунтов. Мы вычтем их из вашей июльской зарплаты, которая в нашем журнале станет для вас последней.

С уважением, заместитель главного редактора журнала «Ампюр» Аня Рац»

Я громко фыркаю и отправляю сообщение в корзину. Сдается мне, Аня потратила весь свой писательский талант на то, чтобы послать меня куда подальше в изысканном стиле «Ампюр». Если бы она узнала, что Лотти засовывает страницы ее модного журнала в свои промокшие после ливня кеды в качестве просушки, ей бы тут же пришлось записываться на лифтинг.

«Мисс Тэмплинг, здравствуйте!

Пишет вам Викки Ставински. Вашу электронную почту

дал мне Бруно Крэй. Видите ли, наши дети (у меня мальчик, Алекс, ему пять) вместе играют на детской площадке, и Бруно сказал мне, что вы научили его сына плавать буквально за неделю. Может быть, вы согласитесь и с Алексом позаниматься? Не бесплатно, разумеется. Я буду вам безмерно благодарна!

С наилучшими пожеланиями, Викки Ставински»

– Ну вот же лисий сын! – в голос ругаюсь я. Не обращая внимание на то, что сейчас только восемь утра субботы, я набираю номер Бруно. В ответ на его полуживое «алло» я высказываю все, что думаю, насчет использования младшего брата Рэндала в качестве собственного ребенка для знакомства с молодыми мамочками и раздачи адреса моей электронной почты кому попало.

Викки Ставински я отвечаю вполне миролюбивым согласием. Как ни крути, это мой шанс снова оказаться в бассейне, пускай и в роли тренера.

Всего три года назад я гордо называла себя профессиональным пловцом. Теперь же от этого звания у меня остался только шрам после открытого перелома на щиколотке и крест на дальнейшей карьере.

«Дорогая Ребекка!

Я не знаю, в какое время суток вы получите мое письмо, поэтому, на всякий случай, пожелаю вам доброго дня! Ведь

он может быть добрым и утром, и вечером, правда же?

Меня зовут Софи, я пишу вам из деревушки Джинбери, что находится в графстве Девон. Уже десять лет мы безуспешно пытаемся выиграть на ежегодной ярмарке графства. Главный приз – три разворота с фотографиями в газете и приз в пятьдесят тысяч фунтов. Нам не столько деньги важны, сколько возможность попасть на первую полосу. Тогда о Джинбери узнают во всей Англии, к нам будут приезжать туристы, а Мэгги Уилкинз сможет продавать свой имбирь не только нам, но и целому графству!

Ох. Молюсь, что вы еще не бросили читать мое письмо, Ребекка. А даже если и бросили, я хотя бы буду знать, что сделала все, от меня зависящее, чтобы подарить Джинбери шанс на победу. Потому что именно я, а не Дороти или Сьюзен, набралась храбрости и написала вам.

Вы фотограф, вы чудесный фотограф, мы увидели ваши кадры в газете. Вы снимали соревнования по плаванию. Вы так здорово поймали эмоции спортсменов и болельщиков, что мы все будто тоже находились там, в толпе на трибунах! Если бы вы согласились приехать к нам в Джинбери, чтобы осветить нашу подготовку к ярмарке, мы бы все поверили в чудо. Ведь к нам никто не приезжает. А нам есть, чем удивить. Есть у нас истории за баночками с имбирным мармеладом, которые мы можем поведать.

Если вы все еще читаете, хочу заверить вас, что мы предоставим вам собственный коттедж на центральной

улице, а Берта Томас просила передать, что будет готовить для вас обеды и ужины.

Пожалуйста, Ребекка, не пишите мне «нет», даже если дочитали до конца. Напишите, что подумаете, и я заберу с собой надежду.

*С уважением и пожеланиями вкусного чаепития,
Софи Девис»*

– О господи... ну какая же это чушь! – почти в голос восклицаю я, пробежав глазами по нелепому письму, и отправляю его вместе с обнаглевшим адресатом в спам.

«Ребекка, детка, Buenos días ²! Это твои слезы устроили наводнение в графстве Чешир?! Надеюсь, нет, потому что ты нужна мне, чтобы отснять десерты для нового меню! Жду тебя сегодня вечером! Плачу наличными и булочкой «Челси»!

Целую, Алфредо»

Автоматически облизнувшись при упоминании о сладком, я печатаю своему испанскому дружку утвердительный ответ, сталкиваю с колен ноутбук и сползаю с кровати, которая занимает большую часть моей комнаты. Спаленка крохотная, вмещает в себя только деревянный шкаф, зеркало в тяжелом подрамнике, лавровое дерево из родительского до-

² Доброе утро (исп.)

ма и белый коврик поверх деревянных досок пола. Но для того, чтобы чувствовать себя уютно, этого вполне достаточно.

Мое платье со вчерашней свадьбы растекается у порога болезненным воспоминанием. Спальня Лотти – дальше по коридору, но ее босоножки на высоченном каблуке брошены рядом с моей. Я прислушиваюсь к тихонько мурлыкающему радио у кровати подруги и закрываю дверь, чтобы не разбудить. Лотти не переносит тишину. В ее комнате всегда громко тикают настенные часы, а радио работает даже ночью.

В нашей маленькой ванной по трубам гроыхает горячая вода: сосед сверху отмывается после ночных гонок.

Хотела бы и я отмыться от последних трех лет своей жизни, жаль, не придуман такой гель для душа. Вытаскивая из волос незамеченные накануне шпильки, стараюсь не думать о Мэри, которая сейчас, должно быть, еще сладко спит в объятиях Дерекка. Вспомнив ее, очаровательного белокурого ангела, я мрачно усмехаюсь своему отражению. Сдается мне, Дерек так сильно хотел оградиться от нашего общего прошлого, что влюбился в девушку, бывшую полной моей противоположностью.

Я уменьшенная и, к счастью, более изящная версия двадцатипятилетнего Декстера. У меня такие же серые глаза, будто в них вечно клубится сигаретный дым, грива темно-русых тяжелых кудрей, белоснежная кожа и тьма веснушек, что тянутся полосой от одной щеки до другой. Декс уверен, ро-

дители наградили нас внешностью истинных породистых англичан, аристократически бледных с чопорно вздернутыми острыми носами. Но я бы усомнилась в этой нашей «породистости» хотя бы потому, что временами Декстер ведет себя, как склочная соседская дворняжка. Впрочем, я тоже.

Стоя под напором горячей воды, я усиленно тру свои высушенные вчерашними слезами глаза. Я пролью их еще не мало, но рано или поздно этот гештальт должен будет закрыться. Хотя на данный момент перспектива оплакивать свою ушедшую любовь до слепоты кажется мне отнюдь не туманной.

Хорошо, что я заранее позаботилась о том, чтобы моя жизнь трещала по швам от дел и событий. Ведь я собственноручно заталкивала в нее всевозможные подработки, увлечения и знакомства, чтобы не осталось ни одной свободной щелочки, куда могла бы протиснуться моя тоска.

Фактически я побежала три года назад. И я бегу до сих пор. Моя жизнь – это забег наперегонки с тоской. В такие дни, как вчера, тоска меня обгоняет на две головы. В такие дни, как эта начавшаяся суббота, я отчаянно наверстываю упущенное, чтобы снова вырваться вперед.

Напор горячей воды слабеет, и я понимаю, что наш бойлер откровенно требует передышки перед заходом Логги с ее копной длинных каштановых волос.

Мой путь в гостиную, совмещенную с кухней, выложен ремнем и парой мужских носков. В широкое окно хлещет яр-

кий солнечный свет, затопляя все пространство вокруг: кремовый кухонный островок с осыпавшимся букетом роз на деревянной столешнице, белое пианино с закрытой крышкой, на которой распластался темно-синий галстук, пушистый небесно-голубой коврик на темном полу из орехового дерева, стеклянный столик, заваленный журналами и заботливо укрытый мятой белой рубашкой, торшер с высокой ножкой, на светильнике которого с комфортом расположился смокинг, и белая софа на изящных черных ножках, которую заполонил своим телом мой старший брат.

Его широко распахнутый рот гоняет туда-обратно воздух, который рвется на волю надломленным храпом. Декстер спит в позе морской звезды в одних брюках, свесив на коврик свою кудрявую голову. Один ботинок он оставил в коридоре, второй дотащил до окна.

Улыбаясь себе под нос, достаю из вазочки с орехами его телефон. Хочу сфотографировать этого «бычка», отгулявшего свадьбу лучшего друга. Но не фотографирую. На заблокированном экране маячит непрочитанное сообщение.

«Декс, ну как она?»

Это Дерек. Чувствуя, как холодеет затылок, поправляю полотенце и сажусь на подоконник. Пароль все тот же: дата рождения Элси.

«Они взяли Бекс четвертой подружкой!», – написал Дерек вчера утром.

«Я знаю», – ответил ему Декстер.

«Мне позвонить ей?»

*«Зачем? Хочешь добить ее? Дерек, чем быстрее ты же-
нишься, тем скорее вам обоим станет легче!»*

«Значит, я все делаю правильно... да?»

И мой брат ответил ему: «да».

Дерек сомневался. Вчера он сомневался! И это Декстер велел ему двигаться вперед. Велел оставить меня в прошлом.

Я даже не помню, как одеваюсь, как собираю мокрые волосы в хвост, хватаю с вешалки плащ и сую ноги в белые кеды. Не помню, как моя рука взмывает в воздух и тормозит проезжающее мимо такси.

– Угол Итон и Лоундс Плейс, пожалуйста, – севшим голо-
сом прошу я и откидываюсь на сиденье, закусив губу. В зер-
кало заднего вида ловлю на себе оценивающий взгляд так-
систа. Я знаю, что он видит и что за немой вопрос застыл в
его глазах. Что забыла в такую рань в Белгравии эта бледно-
лицая особа со спутанными мокрыми кудрями, уже образо-
вавшими на футболке пятно? Я глубоко вдыхаю и смотрю на
время. Руки мои трясутся, как у алкоголика.

– Прошу вас, побыстрее! – почти умоляю я, внутренне
сжимаясь в комок. Уже почти девять! Через двадцать минут
момент будет упущен безвозвратно.

Понять, что ты очутился в одном из самых престижных
районов Лондона, можно по зданиям, которые выглядят так,
будто каждый день их с неба поливают взбитыми сливками.
Белые колонны, белые балюстрады, белые эркеры, белые ар-

ки и голубая кровь. Все, что нужно знать о Белгравии, концентрации высшего света Лондона тогда и теперь. Здесь спят в сорочках от «Ла Перла» пьют игристое из бокалов «Баккара» и курят сигары Фуэнте Дон Артуро. Аристократия никогда не делась из современного Лондона, она вся здесь. В месте, где дорого даже дышать.

Я отворачиваюсь от окна лишь на мгновение: чтобы не смотреть на дом Элси, когда тот выплывает из-за угла, ведь она больше никогда в него не вернется. Белгравии свойственно торжественное, почти сонливое спокойствие. До гибели Элси она только раз стояла на ушах: когда в дом Блэкширов вломился вор. Никто не знает, как он обошел сигнализацию и почему ничего не украл. Дерек успел увидеть только спрыгнувшую с подоконника мужскую фигуру. Это происшествие нагнало много страха и послужило причиной обновления систем безопасности по всему району как механически, так и физически: в Белгравии стало в два раза больше собак. Так появилась самоедская собака по кличке Баскервиль.

Вот и теперь по ступенькам одного из домов чинно спускается снежный ком в голубом ошейнике. Любимый питомец Дерек, которого он всегда выгуливает сам в любую погоду и в любом состоянии ровно в двадцать минут десятого.

Не дожидаясь, пока такси окончательно остановится, я срываюсь с места. Мои кеды быстро топают по чистому асфальту, а сама я забываю обо всем, когда вижу на углу его

подтянутую фигуру в джинсах и белой толстовке. Я открываю рот, чтобы позвать его, но не могу. Не могу, потому что Мэри Траут ни в чем не виновата. Она хорошая, и любит Дерекка всем сердцем. Она его у меня не уводила. Он сам ушел к ней.

Как только я об этом вспоминаю, соображаю, каким боком может выйти мой приезд в Белгравию для нас троих. Поэтому и позволяю Баскервилю увести Дерекка вниз по мирно спящей Итон Плейс прочь от себя, застывшей у фонарного столба. Но ветер против. Он сбивает мои волосы и распахивает полы плаща. Чуткий нос Баскервиля ловит знакомый запах, и пес оборачивается. Оборачивается и Дерек. И в то самое первое мгновение он не просто смотрит на меня. Он меня *видит*.

Баскервиль, невинное облако любви и преданности, тащит хозяина ко мне. Когда Дерекк повинуется ему, я забываю обо всем. Шаг, два, три, и между нами остаются несколько дюймов и три минувших года.

– Доброе утро, Бекс.

– Дерекк... – только и могу шепнуть я. У меня на ресницах уже дрожат слезинки, а на его губах отражается едва заметная улыбка. Я так беспомощна, а он так великодушен.

Нам не нужны слова. Мы всегда умели осязать друг друга на уровне мыслей. Он никогда меня не отталкивал. Никогда не помогал мне себя разлюбить. Каждый взгляд, что он бросал мне во время встреч с нашими друзьями, говорил мне,

что ничего еще между нами не закончено. Дерек не отталкивает меня и сейчас.

Медленно приближается и, не разрывая зрительного контакта, зажимает своей горячей мягкой ладонью поводок Баскервиля в мой ледяной кулак. Этот жест красноречивее тысячи слов. Он означает: *«я доверяю тебе бесценную жизнь своего Друга»*.

Ведь Баскервиль – самая большая любовь своего хозяина, я отлично помню двадцатидвухлетнего Дерека, который хохотал во весь голос, пока белоснежный щенок в питомнике облизывал его уши. Пес выбрал себе хозяина. Хозяин нашел себе друга. Это было три года назад. Впереди – несколько месяцев до ночи, разрушившей наши жизни.

Пес довольно тычется в мою ногу своим влажным носом, но я не могу оторваться от Дерека. Взгляд его янтарных глаз ласкает меня своим солнечным светом, руки сжимают мои плечи. Я не дышу. Он приближает ко мне свое загорелое лицо, и я закрываю глаза. Его поцелуй невесомым перышком скользит по моим губам. Я сильнее стискиваю поводок Баскервиля, а Дерек целует меня крепче. Проталкивается языком ко мне в рот, и я с трудом подавляю тихий стон. Его руки накрывают мое лицо, и холодный металл позорным клеймом прожигает мне щеку.

Обручальное кольцо, надетое другой.

Я отстраняюсь и распахиваю глаза, насильно вырванная из прекрасного сна. Дерек смотрит на меня, безмолвно при-

зывая понять. И я понимаю.

– Ты знаешь все, – говорит он, когда по моей щеке в его ладонь стекает слеза, – но я погубил бы нас обоих, если бы не ушел.

Он вздыхает и убирает руки от моего лица.

– Я тебя люблю, Дерек, – шепчу я. А он забирает поводок Баскервиля и разрывает наш зрительный контакт.

– Прощай, Бекс.

И они возвращаются в свою жизнь. Прежде, чем скрыться за поворотом, Баскервиль оборачивается на меня, а Дерек... нет.

Я держу на губах его поцелуй и в изнеможении закрываю лицо руками. Сегодня я продолжаю проигрывать гонку своей тоске. У меня не осталось сил, чтобы с ней бороться.

У меня вообще больше ничего не осталось.

Глава 3

По Уилтон Плейс я выхожу напрямиком к Гайд-парку, зеленому острову в городском океане с бешеным потоком жизни. Жизни, из которой я снова нещадно выпадаю. Раньше, когда тоска начинала угрожающе булькать в горле, я бросала все дела и неслась в Гайд-парк. Заплутать в его густых махрово-зеленых угодьях летом, упасть прямо в багряный ковер из хрустящих листьев в октябре, потеряться на зимних гуляниях в Сочельник или плакать вместе с апрельской каплей: Гайд-парк был моей отдушиной, моим аккумулятором, который однажды сел.

Я стала замечать, что ноги все чаще выносили меня к берегам озера Серпентайн. Часами простаивая на мосту без какого-либо движения, я вглядывалась в его грифельные волны, которые дружелюбно плескались о камни. Один раз пожилой турист на ломаном английском спросил, не нужна ли мне помощь. В другой раз я сняла с себя пальто и свесила ноги в пустоту. Это озеро подговорило меня. Серпентайн предложил мне лично ответить на вопрос, что мучил меня на тот момент уже целый год. Способна ли профессиональная пловчиха утонуть?

Меня забрали в полицейский участок, как нарушительницу общественного спокойствия. Спустя три часа за мной приехал Декстер. Он ничего мне не сказал. Ни единого слова

в последующие несколько недель. Но единственный взгляд, который он бросил на меня, когда я выходила из-за решетки, звучал большее многостраничной поэмы.

И ты тоже, Бекс?

Я не могла. Не я.

Тогда я взяла себя в руки ради старшего брата. И больше в Гайд-парк по своей воле не приходила. Я вернулась под крыло Лондонского Университета искусств, точнее, его колледжа Кэмбервелль, и в двадцать один стала бакалавром искусств в области фотографии, Лотти – в области дизайна интерьера. Наши дипломы и конфедератки стали своего рода жертвоприношением, что снимало с нас оковы бесконечного горя. Как говорится, земля не может гореть вечно. Рано или поздно пожар утихнет. Его потушат, или он спалит все дотла, так что нечему больше будет гореть.

Глубоко задумавшись, сворачиваю на Эннисмор Стрит, а с него на Эннисмор Гарденс. Это единственная тихая улочка в районе Найтсбридж, в который стягиваются паломники со всего мира, чтобы насладиться Букингемским дворцом, Гайд-парком и музеем Виктории и Альберта. Концентрация исторических сокровищ поднимает ценник на недвижимость в изысканном Найтсбридже так же высоко, как и в педантичной Белгравии.

Да, жить на Эннисмор Гарденс очень дорого. И были времена, когда моя семья хваталась за свой дом с маленьким садом, как утопающий цепляется за все, что держится на воде

лучше, чем он.

Мы бы утонули. Если бы не отец Дерека.

В две тысячи седьмом году мне было десять и у меня было все, о чем только могла мечтать девочка моих лет, и еще чуть-чуть больше. Наш папа владел одним из самых авторитетных инвестиционных фондов Лондона, приоритетным направлением которого выступала недвижимость. О да, тогда она стала золотой жилой для предпринимателей, застройщиков, банков и горожан. Ипотеку оформил чуть ли не каждый третий англичанин. Низкие ставки по кредиту были манной небесной, люди добровольно подставляли свои руки, чтобы улыбочивые банковские служащие защелкнули на них кандалы ежемесячного ипотечного взноса.

Великобритания парила в облаках, зная, что процветающий рынок недвижимости и могучий финансовый сектор всегда вовремя подставят руки, чтобы не дать ей скатиться в должники.

В две тысячи восьмом они рук не подставили.

Кредитный кризис поверг Европу в страх. Наша экономика рухнула под тяжестью колоссального долга и бюджетного дефицита, обвал рынка недвижимости сбил финансовый сектор ударной волной. Мировой финансовый кризис дробильной машиной проехался по экономикам всех стран мира, открыв врата на тот свет для нового потока самоубийц. Брокеры шагали под несущиеся поезда, оставляя позади обвал биржи, который они не смогли предугадать. Бывшие маг-

наты, еще вчера спавшие на шелковых простынях, прыгали с крыш своих бывших небоскребов.

Я видела, как все, чем папа владел, превратилось в пыль. Мне было не жаль расставаться с роскошью, удивительно, но, родившись в ней, я так и не успела на нее подсесть. Мне было страшно за родителей.

Мама плакала, но продавала машины, скутер Декстера, компьютер, свои дизайнерские сумки и туфли. Этого было мало. Наш дом вот-вот должны были выставить на аукцион. И тогда мама, эта хрупкая утонченная женщина, которая спала только в сорочке от «Диор» и впадала в панику всякий раз, когда горничная забывала отутюжить ее домашние брюки, стиснула зубы, сняла свои серьги «Картье», сорвала с папиного запястья винтажные часы «Пиаже» и устроила свой собственный аукцион. С ударом молотка мы лишились коллекции картин, антикварной мебели конца XVIII века, бриллиантовых украшений, хрусталя, русского фарфора и Сефевидского молельного ковра, который, по слухам, входил в рейтинг десяти самых дорогих ковров мира.

Мы выиграли у коллекторов свой дом и садик в Эннисмор Гарденс. Но это была лишь песчинка в пустыне папиных долгов.

Еще до нашего с Дексом рождения родители открыли образовательный трастовый фонд, но доступ к нему мы могли получить только в восемнадцать лет. В две тысячи двенадцатом году мой старший брат заявил, что не пойдет в колледж

и перепишет свою часть средств на счет папиной компании. За это мама вкатила ему подзатыльник, а папа буквально за шкирку дотащил Декса до порога Лондонской школы бизнеса.

– Я столкнул нашу семью в эту яму. Мне нас и вытаскивать. Вы тут ни при чем, и мои ошибки не должны сказываться на вашем будущем. – Напутствовал папа, и Декстер поступил.

Вспоминая те непростые времена, я понимаю, что, если бы не отчаянное желание моего брата помочь, родители опустили бы руки. Декстер хватался за любую подработку, мальчик из богатого дома, который в полночь мчался на велосипеде в другой конец города, дабы отработать ночную смену на стройке, а после отсидеть пять лекций в своей школе бизнеса.

Его руки загрубели, плечи стали шире, а взгляд – голоднее. Но и этого было мало. Папиному фонду нужен был ресурс. И Декстер его нашел.

В одну из смен на стройке ему на голову упала деревянная балка. Оправившись от боли, мой брат продолжил работать, а потом переоделся в брюки с рубашкой, оседлал свой велосипед и покатил на учебу.

Сотрясение мозга дало о себе знать рвотой на экономической теории. Беспомощный визг однокурсниц и презрительные смешки ребят, решивших, что Декстер накануне просто перебрал, – последнее, что мой брат помнил отчетливо. Чьи-

то руки подхватили его подмышки, выволокли грузное тело из-за парты и спустили на первый этаж.

Очнулся Декстер в больнице и в изумлении воззрился на парня, который сидел в кресле напротив его койки.

– Дерек Блэкшир? – удивился мой брат. Он ожидал увидеть кого угодно, только не главного богача своего курса.

– Я не нашел у тебя мобильного, чтобы позвонить родным, – невозмутимо отозвался Дерек, продолжая листать брошенный кем-то журнал, – врачу интересно, где ты умудрился так приложиться.

– О дверцу своего Феррари.

– Не ври, ты работаешь на стройке отеля моего отца. Я видел тебя, когда приезжал к нему в офис.

– Тебя не удовлетворило качество моей работы? – обиженно парировал Декстер. Он даже забыл поблагодарить своего спасителя.

– Я не хотел тебя обидеть. Честно сказать... – Дерек отложил журнал и поднялся на ноги. Виновато почесывая затылок, он шагнул в сторону Декса. – Моей семье просто повезло, что мы жили в Корее, когда кризис набирал обороты. Большую часть активов папе удалось сохранить. Воля случая, что не я, а ты оказался на стройке. Мой отец последние два года только и делает, что ставит мистера Тэмплинга себе и мне в пример. Говорит, раньше за правду так не бились на дуэлях, как твой отец теперь сражается за свою компанию. И, считай, для меня – честь помочь тебе.

Через полгода эту же самую фразу скажет мистер Блэкшир, когда они с папой заключат сделку слияния своих корпораций.

И вот, девять лет спустя, я стою одна посреди узкой мощеной улочки и пытаюсь проглотить ком воспоминаний, который стоит поперек горла и мешает дышать. Поверх двухэтажных домов стелется утренний солнечный свет, от которого Эннисмор Гарденс наполняется теплом и уютом. Плющ и дикий виноград покрывают стены густым изумрудно-огненным ковром. Сюда не забредают туристы, думаю, их пугает тишина и отсутствие Белгравийской помпезности.

На крыльце против родительского дома умывает мордочку британская кошка. Заметив меня, она презрительно щурит свои апельсиновые глаза, опускает лапу и обворачивается пушистым серым хвостом.

– И тебе привет, Герми, – говорю я, кошка поводит ухом и удаляется с видом монаршей особы.

Проводив ее взглядом, поднимаюсь по ступенькам и отрываю пожелтевший листик с лаврового дерева, что растет у входа.

– Доброе утро, Ребекка! – радостно приветствует меня Молли, новая мамина горничная.

– Ты забыла полить лавр, Мо! – шепчу я ей, снимая плащ и оглядывая чистую прихожую с зеркальным потолком. Молли благодарно кивает, хватая с окна лейку и вылетает за дверь.

Я только что спасла ее от длинной нотации мамы отно-

сительно «последствий, которые влечет за собой недобросовестное исполнение должностных обязанностей». В последние три года мама стала пронзительно дотошной к мелочам любого рода. Она готова заламывать руки, если папа возвращается с работы в ослабленном галстук: в ее глазах это означает, что ему стало дурно от новых плохих новостей. Мама драматизирует все и вся, но я ее за это не виню. Ведь однажды она уже не догадалась, что ее сын попытается вскрыть себе вены.

Никто из нас не догадался.

Глава 4

В белоснежной залитой солнцем кухне с огромными окнами, выходящими в садик, мама потягивает кофе, сосредоточенно всматриваясь в шеренгу суккулентов, которая тянется вдоль подоконника. Она нервно постукивает по мраморной столешнице длинными жилистыми пальцами, отчего массивный бриллиант на новеньком кольце пускает солнечных зайчиков в пляс на потолке. Ее темные волнистые волосы забраны в высокий пучок, обнажая тоненькую шейку, а шелковый лавандовый халат, завязанный поверх пижамных брюк, подчеркивает хрупкую фигуру.

– Мо-олли-и, я да-аже не зна-аю... дава-ай пересадим сегодня гера-ань? – лениво растягивая гласные, говорит мама, приняв звук моих шагов за горничную. По голосу я тут же понимаю, что она снова пила успокоительное.

Она оборачивает ко мне свое худое кукольное лицо с мелкими морщинками вокруг глаз, и оно тут же расплывается в довольной улыбке.

– Детка, милая! Какой сюрприз! – мама успевает обрадоваться прежде, чем ее воспаленный мозг сопоставляет факты: вчера была свадьба Дерека, сейчас часы показывают одиннадцать утра следующего дня, а дочь стоит в ее кухне с невысушенными кудрями и синяками под глазами.

– Что случилось?! – выдыхает мама, с грохотом опуская

кофейную чашку на стол. – Что с твоими волосами? Ты снова плакала, Бекки? – она прищуривает свои близорукие серые глаза, а я шагаю навстречу ее распахнутым для объятий изящным рукам. Мама выше меня, так что я с упоением утыкаюсь носом в ее ароматное узкое плечо.

– От тебя пахнет мужчиной, милая. – Проницательный нос анализирует запах, и спустя мгновение выносится вердикт. – Том Форд «Тобако Ваниль». Ты была с Дерекком!

– Мам... – тяну я, чтобы заверить, что ей совершенно не о чем волноваться, но чувство жалости к себе берет надо мной верх, и я снова начинаю плакать.

– Молли! Чай! – быстро командует мама и, крепко обнимая, ведет меня в гостиную. Прохладный ветерок теребит занавеску и заполняет комнату ароматом свежесрезанных алых роз, которые мама выращивает сама.

Устроившись среди пышных подушек, она кладет мою голову к себе на колени, освобождает от резинки мои спутанные волосы и запускает в них пальцы. А я сворачиваюсь калачиком и утыкаюсь носом в шелковую ткань ее халата.

– Так больше продолжаться не должно, – мягко, но уверенно говорит мама, когда я, давась слезами, выжимаю из себя утреннее происшествие.

– Это уничтожает меня... ты знала, что в сумме протяженность кровеносных сосудов человека длиннее экватора и составляет шестьдесят две тысячи миль? А я вот знаю, мама, потому что все они у меня болят!

– Может быть... – мамины руки разглаживают мои волосы и начинают плести французскую косу, – может быть, тебе уехать на время из Лондона?

Я непонимающе мычу в ответ. Вчера на свадьбе Декстер предложил то же самое.

– А что? Твои бесчисленные подработки не привязывают тебя к одному месту, – продолжает рассуждать мама. – На что ты тратишь свою жизнь, Бекки? Фотографируешь коммерческих моделей, чужие успехи и чужие десерты, учишь плавать чужих детей... разве не вы с девочками мечтали создавать что-то свое? Даже если ты и хочешь распылить свои таланты подобным образом дальше, займись этим за пределами Лондона. Развейся. Уезжай. Хотя бы на месяц. Детка?

Но я только молча киваю, обдумывая мамины слова.

Как я докатилась до жизни, по которой бреду, не оставляя за собой следа? О, я знаю ответ на этот вопрос. На все вопросы. Моя жизнь сломалась, когда мне было девятнадцать. Жизнь Декстера – в двадцать два. Мы не можем бежать вперед, потому что все дороги неизменно возвращают нас к одной дате трехлетней давности: тридцатое октября две тысячи шестнадцатого года.

Тогда мы потеряли *ее*.

– Милая, иди умойся. – Голос мамы вовремя ловит мое сознание и возвращает в действительность. – Я попрошу Молли сделать для нас тосты.

Пока я поднимаюсь по ступенькам добротной деревянной

лестницы на второй этаж, новая волна воспоминаний опережает меня и едва не сбивает с ног. Фотографии. Ими увешана вся стена: мой первый шаг, первая поездка Декса на велосипеде, бабушки и дедушки, родители на годовщину своей свадьбы. Калейдоскоп обрывочных и пронзительно ярких детских воспоминаний. Здесь нет фотографий из две тысячи восьмого или две тысячи шестнадцатого, но это не значит, что воспоминаний не осталось.

Они здесь, они прошли сквозь обои и навечно впечатались в перекрытия. Остались на подушках, в которые я вгрызалась зубами, чтобы родители через стену не услышали мой неистовый отчаянный вой. Остались на коврик в ванной, на котором мама безутешно рыдала от чувства собственного бессилия. Остались в отцовском кабинете, где он просиживал часами, выдыхая горький дым в потолок. Остались на кулаках Декстера, которые он расшиб в кровь, когда разбил зеркало в своей спальне.

Этот дом никогда не забудет тьмы, как бы ярко в те годы не горел в нем свет.

Я ближе склоняюсь к большой фотографии в серебряной рамке. На ней – четыре выпускника частной школы Вестминстер. Трое стоят, обхватив друг друга за плечи, а четвертый запрыгивает в кадр так, что его изумрудная конфедератка съезжает на бок, а левые рука и нога задраны в воздух.

Здоровый парень по левому краю выставил вперед руку, строго сдвинув лохматые темные брови: критикует фотогра-

фа, то есть меня. Он всегда будет похож на медведя или лешего. Хоть в выпускной мантии, хоть в хирургическом костюме. Рэндал.

У его плеча – Вэйлон. Человек, сперва притягивающий своей дьявольской красотой, а после парализующий своей молчаливостью. У него волосы цвета обугленного дерева, миндалевидные темно-карие глаза под хмурыми бровями и совершенно нечитаемое выражение лица.

Рядом красуется Декстер. Его кудрявая грива чинно прижата конфедераткой, но лицо уже раскрашено смехом: я слышу его даже сквозь снимок. Бруно прыгает на моего брата и лишает фото официальности. Его невозможно красивые синие глаза прищурены, а губы сложены в коварную ухмылку, как у Тома из мультика про кота и мышонка Джерри.

На этом снимке им восемнадцать, и они безумно счастливы, что старшая школа осталась позади. Им кажется, что все плохое – тоже позади.

Но это не так.

Я вздыхаю и перевожу глаза на снимок, который висит почти у самой вершины лестницы. Он такой же большой, как у ребят, но рамка розовато-перламутровая. На нем – три девочки. Лотти в платье принцессы Авроры, похожем на розовое облако из органзы и фатина. Рядом позирую я в желтом атласном платье с приспущенными плечами, как у принцессы Белль. Мама сделала мне такую же прическу, выпрямив и правильно уложив завив мои непослушные темные кудри.

А между нами – настоящая Золушка в пышном голубом платье из бесчисленных слоев воздушной ткани и золотой тиарой на собранных в пучок белокурых волосах. Голубые глаза сияют, как два блюмарина, а на губах играет счастливая и одновременно смущенная улыбка, которую вызвал наш фотограф. Декстер.

– Элси... – выдыхаю я, и предательская соль снова начинает жечь мои глаза.

Это ее шестнадцатилетие. Праздник, когда принято прощаться с детством. Наши сверстницы в этот день устраивали первые алкогольные вечеринки, наряжались в сексуальные не по возрасту платья и играли в неоднозначные игры с одноклассниками. Но своевольная Элси хотела проводить счастливое беззаботное время так, как оно того заслуживало: с уважением. Поэтому устроила костюмированную вечеринку по всем мультикам из мира Дисней.

Снимаю со стены фоторамку, ослабляю зажимы и вытаскиваю наш снимок. За ним скрывается еще один. Концентрация боли, которую мама спрятала сюда от глаз Декса.

Элси все в том же платье Золушки сидит на широком подоконнике, а над ней возвышается мой девятнадцатилетний брат во фраке, как у принца. Кудри спадают на лоб, а рука держит юное личико Элси за подбородок. Снимок сделала Лотти, выглянув из-за кухонной двери, когда Декс предложил Элси поговорить наедине. Не нужно знать, о чем они говорили. Это можно понять по одним только взглядам: без-

ответная любовь Элси получила свой долгожданный ответ.

Когда кризис разметал папин инвестиционный фонд в щепки, Декстер, как парень и друг, сильно упал в цене. Мы учились в частной школе, где принято мериться не достижениями, а кошельками, где степень твоего «качества» измеряется количеством нулей на банковском счете. Те, чьи родители вышли из кризиса сухими, задирали носы перед теми, кто промок до нитки или утонул.

Декстер, Вэйлон, Бруно и Рэндал вполне спокойно отнеслись к уходу части друзей, ведь они всегда были и будут друг у друга. Но вот девочки... лишиться их внимания было довольно неприятно для мужского шестнадцатилетнего самолюбия.

Элси была влюблена в моего брата еще с начальной школы и очень трогательно и неумело это скрывала. Наша троица была для мужской четверки детским садом. Когда дети достигают семи лет, разница в три года приравнивается к непреодолимой пропасти непонимания и сглаживается лишь годам к двадцати.

Декстер принимал влюбленность Элси, как что-то родное и привычное, он никогда не смеялся над ее чувствами, но и принять он их тоже не мог. Ему – семнадцать, ей – четырнадцать.

Но все изменилось, когда Декс поступил в школу бизнеса, а мы перешли в старшую школу.

В тот день мы с девочками зашли после уроков к нам до-

мой. Я рылась в шкафу в гостиной, пытаюсь найти коробку с настольной игрой «Колонизаторы», Лотти торчала в садике с нашей мамой, а Элси разливала по стаканам на кухне ледяной лимонад. Хлопнула задняя дверь, и до меня донесся не слишком веселый голос Декса. Он вернулся с учебы, всю ночь до этого отработав на стройке. Спрашивал, где мама.

– Что с твоей рукой? – испуганно проговорила Элси. Я, было, рванула к кухне, но все же вовремя остановилась.

– Занозу не могу достать.

– Поэтому расковырял половину ладони? Промой руку и сядь к окну, я вытащу ее иглой. – Почти приказным тоном распорядилась Элси. Я улыбнулась себе под нос: родители Элси – врачи, несмотря на успехи в плавании, она собиралась пойти по их стопам.

– Аптечка – на нижней полке, – подсказал Декс. Дальше длилось пятиминутное молчание, которое разбавлялось только ворчанием Элси за то, что Декс ковырялся в ранке грязными руками и мог занести инфекцию.

– Подумать только, какой ярлык мне на лоб наклеил этот финансовый кризис. – Неожиданно выдал Декс. – Девчонки воротят от меня носы, потому что я пахну не фунтами, а строительной стружкой. Разве вы поступаете в колледж не для того, чтобы учиться, а чтобы найти себе жениха побогаче? Я не замечал этого, когда у меня был скутер, кредитка и куча свободного времени.

– Ты говоришь за всех нас. Почему? – спросила Элси, и я

поразила спокойствию, которое звучало в ее голосе.

– Потому что на вечеринках все разговоры начинаются с вопросов о том, на какой машине я сюда приехал и какой марки у меня часы. – Ответил мой увалень-брат.

– Зачем же ты ходишь на такие вечеринки, Декстер? Я влюбилась в тебя, когда еще даже не знала, сколько в одном фунте пенсов. Потому что ты смешной и добрый, и даже чуть-чуть красивый. И ты знаешь об этом. Значит, найдутся еще девочки в твоей бизнес-школе, которые оценят тебя за тебя, а не за деньги, которые заработал твой отец.

– Только чуть-чуть красивый? – пошутил Декстер.

– Очень красивый, – долетел до меня едва различимый шепот Элси, и я через стену ощутила, как зарделись ее щеки. Моя храбрая подружка никогда не скрывала своих чувств, как бы трудно ей ни было в них сознаваться.

– Только ты так и считаешь, Элси.

– Я просто еще слишком маленькая. Не умею флиртовать и заманивать парней в свои сети.

– Думаю, это не так. – Отозвался Декстер.

Я не видела его лица в момент, когда он произносил эти слова, но точно знаю, именно тогда он взглянул на Элси другими глазами.

Их сближение было плавным и нежным и окончательно свершилось на шестнадцатый день рождения Элси, когда был сделан снимок, что я держу теперь в своих руках.

Тогда же Декс впервые ее поцеловал. И когда она верну-

лась к нам на кухню, у нее от счастья подкашивались ноги. Тогда никто из нас не знал, что счастьем Элси, как и ей самой, оставалось жить чуть больше трех лет.

Я с шумом втягиваю носом воздух, давая мозгу понять, что сеанс болезненной ностальгии завершен. Когда я возвращаю фоторамку на место, решение уже принято.

– Я уеду. – Сообщаю я своим снимкам. – Будьте здесь и храните дни, когда я думала, что предел боли – падение с велосипеда.

На самом деле, этого предела просто нет.

Глава 5

– Вызвать тебе такси, милая? Все не пойму, почему ты перестала водить? Тебе же так нравилось... – мама ни на мгновение не прекращает беспокоиться. Она беспокоится, пока я зашнуровываю кеды, натягиваю плащ и перебрасываю через плечо ремешок сумки. Беспокоится, пока я прижимаюсь губами к ее щеке на прощанье.

– Я прогуляюсь. Теперь мне больше нравится ходить пешком. – Успокаиваю я ее. Маме не нужно знать, что я боюсь садиться за руль. Мне трудно концентрироваться на дороге. Всякий раз проезжая мимо моста Ватерлоо на такси или автобусе, я представляю одну и ту же картину: машина теряет управление и врывается в ограждение, а потом тело устремляется в объятия черного омута Темзы. Лязг, удар, всплеск и вечная мгла.

Меня передергивает, но я не снимаю с лица улыбку: привычную маску для спокойствия мамы.

А вот насчет пешей прогулки до дома я, конечно, погорячилась. Мы с Лотти снимаем квартиру в районе Фицровия в четырех милях от Эннисмор Гарденс. Гулять мне до нее почти целый час. Когда я выхожу от мамы, туристическая жила Лондона уже пульсирует со всей силы. Улицы наводнены автобусами, а тротуары – суетливыми, как муравьи, гостями города. Я подавляю раздраженный вздох, когда мне на ногу

наезжает детская коляска на Эксгибишен-роуд.

– Хорошие были кеды, – прилетает мне в спину, едва я успеваю скукситься от черной борозды поперек белого текстиля. Оборачиваюсь, и недоумение у меня на лице тут же сменяется смущением.

– Это мама тебе позвонила?

Вэйлон лишь молча смотрит на меня через опущенное стекло своего чистенького белого Лексуса. Он никогда не поставит меня в положение той, кто нуждается в спасении, хоть и приходит на выручку с завидной регулярностью.

– Вэй, ты не обязан... – робко бормочу я, переминаясь с ноги на ногу у края проезжей части. – Не обязательно выполнять все просьбы моей родни. Я уже большая девочка. И я в порядке...

– Я знаю. Я знаю, – уголки его губ плавно приподнимаются. – Просто хочу подвезти тебя, Бекки.

Мне приятна его забота. Вэйлон – единственный мужчина в моей жизни, который заботится обо мне, не потому что я его родственница. Он опекает меня с самого детства, словно у меня не один старший брат, а два. Вэй предпочитает совершенно иной типаж женщин, но это почему-то не ослабляет мою жажду его внимания в последние три года. Сердце будто окунается в расплавленный шоколад, когда он обнимает меня, ободряюще пожимает руку или рассеяно целует в макушку. Для него это совершенно естественно, для меня – безумно важно.

– Пристегнись. – Просит невозмутимый голос с мягким южным акцентом. Это единственная мягкость во всем его существе. Вэй отключает аварийку и выруливает на полосу следом за красным двухэтажным автобусом.

Он сосредоточен на дороге, так что я спокойно изучаю его профиль. Вэйлон очень красив, правда. Его отец – ирландец. Вот откуда эти нечитаемый характер и фарфоровая кожа с тусклыми веснушками. А бездонные, почти черные глаза у Вэйлона от мамы, итальянки.

Бруно вечно дразнит Вэя, называя кумиром фанаток «Дневников вампира». Но иногда мне кажется, это элементарная попытка вывести того на эмоции. Ведь они находятся в разных категориях, чтобы соперничать за внимание девушек. Бруно – словоохотливый качок и проныра, каких поискать надо, Вэйлон – молчаливый сатана с убийственным взглядом.

Его красота исключительна, пронзительна и... статична. Я знаю друзей Декстера почти двадцать лет, и за все эти годы я не видела на лице Вэйлона ни одной действительно сильной эмоции: ни гнева, ни счастья, ни отчаяния. Он контролирует все в своей жизни, даже чувства. Нужно долго и дотошно изучать его характер, чтобы научиться определять, что творится у Вэя на душе. У девушек на это времени нет, он предпочитает с ними только спать. Любая попытка завести разговор откровеннее названия любимого напитка заканчивается для них дорогой домой в гробовом молчании. Я знаю,

что у него есть даже прозвище «немой Люцифер», ведь так мучительно, как Вэйлон, не умеет молчать никто.

Но у меня было предостаточно времени, чтобы изучить его натуру. Единственное, что может выдать его состояние, это глаза и руки. Сейчас первые от меня скрывает капюшон бежевого худи, а вторые так сильно сжимают руль, что белеют костяшки.

– Ты злишься, потому что я была у Дерека? Это Декс тебе натрепал?

Ответом мне звучит негромкое бурчание.

– Он все еще меня любит.

Вэйлон так резко дает по тормозам на светофоре, что я расплющила бы нос о бортовую панель, если бы не ремень безопасности.

– Не злись. Он ко мне не вернется. – Тихо добавляю я и отворачиваюсь, чтобы спрятать последние на сегодняшнее утро слезинки.

Большая ладонь накрывает мое колено и мягко сжимает, а после сразу же возвращается к рулю. Вэйлон – немая скала, отвечающая за безопасность и комфорт нашей компании. Он чувствует абсолютно все, но не хочет это показывать. Его молчаливая поддержка хоть раз спасла любого из нас. Вэйлон ничего взамен не требует. Мы не знаем, о чем он думает и почему он с нами. Но понимаем, что он никогда нас не оставит, ведь мы нужны ему не меньше. К тому же он в детстве пообещал, что будет нам с Лотти старшим братом. А

Вэй не привык нарушать свои обещания.

Парни сдружились в начальной школе, а мне в тот год исполнилось четыре. Им дали задание: смастерить открытку ко Дню матери, и наша с Дексом няня забрала четверых мальчишек к нам домой. Бруно изобразил мотоцикл. Рэн накарябал палочки с овалами и назвал это букетом цветов, Декс пытался нарисовать торт, но у него вышло не слишком убедительное нагромождение кругов. А Вэй ничего не рисовал. Просто сидел и молча изучал коробку цветных карандашей перед собой.

По словам Декстера, я влезла между ним и Вэем и спросила, почему мальчик не делает открытку. Услышав ответ, я обняла его так крепко, что тот жалобно охнул.

У Вэйлона не было мамы. Она умерла в родах, а единожды оброненная фраза отца навечно поселила в сердце мальчика чувство вины. *«Если бы не ты, твоя мать была бы жива»*. Слова, которые не забыть, не стереть и не забрать назад. Заполнить такое обвинение невозможно. Отец Вэйлона пытался, но сердце сына закрылось от него уже навсегда. Думаю, тогда же у него закончились и эмоции.

– Ты можешь нарисовать открытку для нашей мамы, – предложила я, – она же тебя целует, когда ты приходишь, и гладит по голове.

– И для моей! – подхватил Бруно. – Она готовит нам бутерброды с жареным сыром!

– И для моей тоже, она играет с нами в догонялки и вклю-

чает мультики! – добавил Рэн.

И Вэйлон нарисовал большую полосатую кошку и пятых котят вокруг нее. Тогда стало ясно, что у мальчика талант. Карандаш словно был рожден для его маленькой ручки. Он выплескивал на бумагу яркие сценки из нашего детства, из прочитанных книг и увиденных фильмов. Это был его способ выражать чувства.

В школьные годы Вэйлон постоянно ездил к родственникам в Италию на каникулы, где оттачивал свой навык, пока не довел его до совершенства. Теперь же он рисует в качестве архитектора-проектировщика, за которым гоняются десятки хэдхантеров.

Задумавшись, перестаю следить за дорогой и вздрагиваю, когда Вэй тормозит перед шестиэтажкой из темно-бурого кирпича. Мы с Логги снимаем квартиру над художественной мастерской в самом богемном районе Лондона. В Фицровии умело уживаются бизнес и творчество, шум и тишина, классика жанра и авангард. Здесь люди не стесняются своих порывов и не боятся быть собой в погоне за вдохновением.

– Поднимешься? – спрашиваю я, когда мы выходим из кофейни «Аттэндант». Это одна из достопримечательностей нашего района, которая подтверждает, что в Фицровии сочетается несочетаемое. Прежде заброшенная уборная золотых времен королевы Виктории превратилась в уютное заведение, где варят самый вкусный кофе во всем Вест-Энде, а барная стойка установлена поверх писсуаров из прошлого.

Вэйлон кивает, забирая у меня стаканчик американо для Декса и пакет с датскими булочками для Лотти. Я обегаю его и обхватываю за широкую талию. У Вэйлона заняты руки, так что он разводит их в стороны, чтобы не облить меня кофе и не помять булочки. Когда я обнимаю его через мешковатую толстовку и по-дурацки урчу, зарываясь носом в приятно пахнущую ткань, грудная клетка Вэя высоко вздымается и медленно опадает. Он видит во мне лишь младшую сестру Декса, так что иногда я могу позволить себе соответствовать этому статусу.

Я приклеилась к нему посреди тротуара перед лестницей, ведущей в жилой дом. Но он не торопит меня и не отстраняет. Ему все равно, что мы перегородили дорогу художнице с большим мольбертом наперевес. Он осторожно заключает меня в кольцо своих рук, чтобы не расплескать кофе, и опускает подбородок мне на макушку.

– Бекки...

– Спасибо, что забрал меня, Вэй. – Бормочу я ему в толстовку.

– Иначе не может быть.

Он привычно целует меня в макушку, а я прикрываю глаза, через все тело пропуская невинное касание его губ. Меня толкают в спину, требуя освободить дорогу, и Вэйлон предостерегающе рычит: кофе чуть не вылился мне на плащ.

В квартире нас с порога встречает жалобное нытье моего брата:

– Лот, я устал. Я хочу лечь. Почему нельзя подбирать ткань, если я нахожусь в горизонтальном положении?

У Декса есть своя квартира в Сити прямо рядом с офисом папы, но это не мешает ему постоянно тереться у нас. Вот и сейчас он стоит у окна, ноги на ширину плеч, а руки сжимают бирюзовую атласную ткань. Трогательно покачивая головкой в такт песне на радио, Лотти по очереди прикладывает к полотну различные кусочки ткани, выбирая наиболее удачное сочетание.

– Если ты ляжешь, свет будет падать под другим углом. Потерпи, пожалуйста, Декси, я почти закончила, – тихонько просит она, поправляя закатанные рукава клетчатой рубашки Рэндала, которую он забыл у нас несколько месяцев назад. Лотти она до того понравилась, что Рэн уступил молящему взгляду огромных влажных глаз и оставил рубашку ей.

Моей подруге вообще очень трудно бывает отказать. Вот и Декс пыхтит, но упорно продолжает стоять с задранными руками. Ведь Лотти – изящный цветочек нашей компании с пушистыми длинными ресницами, тонкими запястьями и длинными каштановыми локонами. Ранимая, утонченная натура художника-декоратора, такая же хрупкая, как фарфоровая кукла.

Когда мы потеряли Элси, каждый из нас переживал, что сердце Лотти не сможет преодолеть такой удар. Она плакала, пока я лежала в больнице, с тупым непониманием изучая потолок, а Бруно напивался до потери сознания. Плакала, по-

ка Дереку зашивали рассеченный висок, а Вэйлона насильно пытались накормить. Плакала, пока Рэндал отказывался выйти из обезьянника под залог, а Декс вскрывал себе вены. Она оплакала нас всех. Но преодолела это горе и всплыла на поверхность так же, как это сделали все мы.

– О, спасибо, милый, – широко улыбается она, принимая из рук Вэйлона пакет с булочками и трогательно шевеля курносый носиком.

– Лот, ты отвлеклась! – страдает мой брат. И я не могу сдерживать улыбку. Еще поднимаясь по лестнице в квартиру, я была уверена, что отчитаю его за переписку с Дерекком, но теперь понимаю, что не в силах злиться. Они друзья, практически братья. Если уж власть и деньги не встали между ними, то и я не смогу. Да и не захочу.

Если две тысячи восьмом отец Дерекка спас нашего отца от разорения, то пять лет спустя он буквально силой выдернул того из тюрьмы.

Мистер Блэкшир вернул репутацию папиному инвестиционному фонду, и вместе они заручились поддержкой одного из лондонских банков. Папа сохранил за собой место управляющего, и последнее слово по любому инвестиционному вопросу оставалось за ним. Мистер Блэкшир в качестве благодарности за оказанную помощь принял на себя роль администратора. В его обязанности входило введение финансов и реестра акций, поддержка постоянной обратной связи с акционерами и кредиторами.

Они ушли от инвестиций в строительство и стали оказывать поддержку стартапам в области нанотехнологий. Число акционеров «Тэмплинг и Блэкшир Инк.» росло. Газеты, ранее осквернявшие имя моего отца, опять начали следить за его доходами. Белая полоса была очень близко. Но она снова выгнулась дугой, оставив только мрак.

Один юный предприниматель, получивший финансирование от «Тэмплинг и Блэкшир Инк.» на обеспечение торговых центров роботизированными закупщиками, обвинил наших с Дерекком отцов в нарушении договора участия. Он оценил ущерб от разглашения своего ноу-хау в пять миллионов фунтов, что было в два раза больше суммы, полученной им от фонда. Наше будущее снова повисло на волоске. Суд принял сторону обвинителя. Папе грозила тюрьма и конфискация имущества. Мистер Блэкшир его спас. Снова.

После этого папа счел ниже своего достоинства оставаться управляющим и уступил кресло отцу Дерекка, хоть тот и не хотел принимать такой подарок. Но папа грозился выписать вексель и стать пожизненным должником своего друга, и мистер Блэкшир уступил.

– Никакого коленопреклонения, мой друг! – сказал он. – Это наша общая вина.

Тем не менее вот уже шесть лет папа продолжает перечислять деньги в трастовый фонд Дерекка, потихоньку погашая свой долг перед его отцом. Единственная альтернатива, на которой оба сошлись.

Это было веским основанием для споров о неравенстве. Но Дерек ни разу о подобном не заикнулся. И воспринимал в штыки любое предложение Декстера принять деньги. Их дружба стала от этого только крепче. Ведь она прошла и огонь, и воду, и медные трубы. Причем буквально.

Сейчас парни вместе трудятся на благо «Тэмплинг и Блэкшир Инк.». А вот я...

– Готова к фотосессии десертов? – нежный голосок Лотти вырывает меня из задумчивости. Я улыбаюсь и устраиваюсь к ней на софу. Декстер со вздохом облегчения обрушивается на мягкий коврик у наших ног.

Пока я изучаю позиции из меню, которые мне предстоит снимать у Алфредо, Вэйлон расчищает от лоскутков и бумаги фортепиано, закатывает рукава худи и поднимает крышку. Есть что-то завораживающее в том, как крепкие мужские руки с выпуклыми бороздами вен бережно, почти ласково скользят по клавишам.

Проходит мгновение, два, и умелые пальцы берут первые аккорды одной из наших любимых песен «Вечно молоды» группы «Alphaville»³. Они, как дождевые капли, сыплются с неба и, бесцветными хрустальными брызгами рассыпаются по полу, затопляя все пространство вокруг. Сложные хитро-сплетения нот кружат голову и учащают пульс. Чистая, ясная и многогранная мелодия в совершенном исполнении Вэйлона действует на нас, как особый гормон счастья, что выплес-

³ Немецкая синтипоп-группа.

кивается в кровь вместе с куплетом.

Чары «немого Люцифера» в действии...

– Молодыми мы умрем или будем жить вечно?

У нас нет на то власти,

Но мы никогда не говорим «никогда»!

Прячемся в песчаных карьерах,

А жизнь так коротка.

Музыка для печальных людей... – Лотти начинает подпевать своим тоненьким голоском, а потом тянет меня за руку, и мы вместе кружимся на ковре, мяукая невпопад. Декстер конем скачет вокруг нас, как маленький ребенок, и его хохот перекрывает собой мелодию Вэя.

Моя анестезия. Вот она. В этих стенах, в этом маленьком мирке, за пределами которого меня поджидает одна только боль. Разве есть еще на планете место, куда я смогу от нее убежать?

Глава 6

Кровь у Алфредо Делуки вот уже двадцать четыре года кипит, как песок под горячим южным солнцем. Мы познакомились с ним в колледже. Он искал фотографа, я – подработку. У Алфредо обжигающая испанская внешность, а душа хрупкая, как стекло. Глаза-вишни пылают пожаром, а улыбка смущенная, как у девочки на первом свидании. Вот и сейчас, встречая нас на пороге своего бара-ресторана, он нервно сжимает и разжимает кулаки, боясь, что нам не понравится его новая десертная карта.

Но его сомнения совершенно напрасны. Алфредо своими руками и силами взрастил из щебня, кирпича и голого бетона «Жардин» в стиле лофт с изумрудной махровой стеной за барной стойкой. Он расширил окно, сделав его во всю стену, чтобы днем солнечные лучи плясали на медных ручках и лампах, а вечером теплый свет, как маяк, заманивал внутрь странников района Сохо.

Я помню, как мы с Лотти вплетали в травяную стену крошечные лампочки, напоминавшие светлячков, как красили стены и потолок темной краской, чтобы создать ощущение ночного сада, как цепляли за фигурные лампы ветки лавра и плюща. Но если бы Алфредо не готовил, как искуснейший повар со звездой Мишлен, «Жардин» никогда не достиг бы того успеха, который он имел сейчас.

Я с удовольствием люблю фотографии меню на стенах. Коктейли, десерты, стейки, паэлья, гаспачо и тортилья смотрятся очень эффектно на темном фоне. Эти снимки были лишь пробой моей камеры, а теперь Алфредо не отходит от такой концепции уже четыре года. Вот и сейчас он заранее приглушил свет над одним из столиков, чтобы создать нужный для меня фон.

– Милый, ты специально для нас закрыл «Жардин»? – Лотти ставит на черный барный стул пакет с реквизитом и ободряюще улыбается взволнованному Алфредо.

– Dulce⁴, я хочу услышать от вас только правду по поводу новых десертов! От внешнего вида до содержания! – выкрикивает он, старательно жестикулируя. – По-моему, кокосовые боллы вышли слишком приторными... *infierno*⁵!

– Чепуха, Алфредо! – парирует Рэн с набитым ртом. – Райское наслаждение! – он довольно задирает перепачканный кремом большой палец.

– Ах ты нетерпеливая обжора, *qué pesadilla*⁶! – вместо благодарности напускается на него Алфредо. – Бекки еще даже не успела его отснять!

– Ничего удивительного, – бурчу я, уткнувшись в фотоаппарат. – Не в правилах Рэна учитывать чьи-либо интересы, кроме своих.

⁴ Милая (исп.)

⁵ Черт возьми! (исп.)

⁶ Какой кошмар! (исп.)

– Я хотя бы не сую свою точку зрения туда, где и без нее тесно. – Бурчит тот.

– Потому что тебе и совать-то нечего! – огрызаюсь я.

Не прекращая ругаться с Рэндалом, выстраиваю на столе композицию для красивого куска бисквита королевы Виктории. Меню осеннее, так что нужно разбавить привычный темный фон. Я выкладываю рядом с тарелкой несколько ароматных яблок, сбрызгиваю их водой и делаю пробный снимок. Работа поглощает меня, и я выпадаю из общего разговора.

– Располагайтесь у бара. Стефан, налей моим друзьям, *más vivo*⁷! Сегодня вечеринка за счет заведения. – Командует Алфредо.

Парни, громко переговариваясь и смеясь, рассаживаются за длинной деревянной стойкой, которая тянется вдоль всего первого зала, бара. Обычно здесьлюдно и шумно, звон бокалов сплетается с популярной музыкой и голосами, рассказывающими друг другу истории на всех языках мира. Во втором зале, более светлом и просторном, можно полноценно пообедать или поужинать как с семьей, так и с возлюбленным. Но больше я туда не заглядываю. Ведь глаза всегда сами устремляются к столику на двоих у окна, где мы с Дерекком любили запивать пиццу колой или белым вином в запотевшем бокале.

Это было *тогда*. В другой жизни. А теперь мой брат и

⁷ Живее (исп.)

его друзья готовятся кидать монетку. Кто-то один должен остаться трезвым и развезти остальных по домам на машине Декса. *Тогда* мы уже допустили такую ошибку. Погибла Элси.

– Это нечестно! – протестующе ревет Рэндал. – Я и в прошлый раз не пил!

– Карма, – ухмыляюсь я, меняя объектив.

– Заткнись, Бекси, – прилетает мне от раздосадованного Рэна, – ковыряйся в своих тарелках. Стеф, не наливай ей! Нечего язык развязывать, он и так у нее без костей!

Но Вэйлон уже перехватывает у бармена бокал сухого красного и вкладывает в мою протянутую руку. Сам он пьет кофе, потому что никого не пускает за руль своего Лексуса.

Лотти, потягивая через трубочку клубничный Мохито, помогает мне выстроить вокруг английских сконов столовые приборы и кофейную чашку. Мы вдвоем критически созерцаем полученную композицию, затем меняем чашку на вафельное полотенце, а приборы – на россыпь ягод ежевики.

– Бекки, я совсем забыл присыпать их пудрой! – неожиданно вспоминает Алфредо, и в мою голову приходит новая идея.

– Мы возьмем это в кадр, получится сахарное облако! Лотти, подсветишь его фонариком? Попробуем создать интересный свет.

Эта идея так увлекает нас троих, что я даже не поднимаю голову на дверной колокольчик, возвещающий о приходе но-

вых гостей. Закусив губу, я нависаю над Лотти, которая поворачивает фонарик с телефона под нужными мне углами, и отдаю команды Алфредо, просеивающему пудру.

– И еще разок... насчет три. Раз... два...

– Ох, какая красота! А как аппетитно выглядит! – звучит за моей спиной восхищенный голос.

Я не успеваю навести фокус, рука у меня дергается, и выходит картинка из размытых разноцветных бликов. Алфредо просыпает пудру мимо десерта.

– Здравствуй, Мэри, какой сюрприз! – Лотти поднимается с колен и убирает телефон в задний карман джинсов. – Мы снимаем обновленные десерты Алфредо.

– О, я знаю, Дерек рассказал мне. Он припаркует машину и придет, – радостно улыбается Мэри. На ней – свободное шелковое платье-комбинация в тон кожи и длинный вязаный кардиган, такой же синий, как и ее глаза. Они счастливо блестят. Как и бриллиант на ее безымянном пальце.

– Бекки, привет! – кивает мне белокурая головка. – Фотограф уже отправил нам несколько снимков, чтобы ожидание остальных было чуть менее томительным, на одном из них – мы с вами. Я тебе сейчас покажу, так красиво вышло! – с этими словами Мэри ставит сумочку на столик и начинает копаться в ней в поисках телефона. Я делаю большой глоток вина, Лотти сжимает мой локоть. Парни за барной стойкой с неприкрытым беспокойством наблюдают за нами.

Воздух в баре накаляется от напряжения, которое ощуща-

ют все, кроме малышки Мэри, уткнувшейся в свою сумочку и продолжающей мило болтать о всякой чепухе. Она не замечает и электрического разряда, что пронзает мое тело в момент, когда дверь «Жардин» распахивается, и внутрь врывается Дерек. Его идеальное загорелое лицо с четкой линией скул, его янтарные глаза, как два солнышка, сияют из-под густых бровей и проникают меня до костей.

– Парни, что за аврал сегодня в Сохо! Где вы бросили машины? – приветствует Дерек, а я слежу за движением его губ и вспоминаю, как он целовал меня сегодня утром.

– Почти на окраине Вест-энда! Сегодня же суббота, чего ты хотел? Парочку свободных мест перед входом?! – отвечает ему беспечный Декс, и Дерек радостно хлопает друга по плечу. Следом он обменивается нецензурными фирменными приветствиями с Рэндалом и Бруно и пожимает руку Вэйлону. Они пускаются вспоминать вчерашнюю свадьбу, а я тихонько прошу Алфредо принести следующий десерт. Видя, что Мэри устроилась за соседним столиком и, подперев кулачком щеку, глаз не сводит со скона с черничным джемом, я ставлю перед ней припорошенную пудрой тарелку.

– Угощайся, мы уже закончили с ними, – вымученно улыбаюсь я, и она с жадностью набрасывается на первую булочку. Пусть съест их все, только не вспоминает больше про свадебные фотографии.

– Столько алкоголя осталось, парни, вы себе не представляете! Винный шкаф забит под завязку! Нам срочно нужен

повод собраться! – гремит довольный голос Дерек, и каждая буква отпечатывается на моем уставшем сердце. – Как вы смотрите на...

– Зачем ты пришел? – внезапно перебивает его Вэйлон. Его низкий бархатный голос заполняет меня теплом изнутри, словно говоря: Бекки, я знаю, я все понимаю. Я на твоей стороне.

– Не понял. Вэй, ты о чем? – Дерек непринужденно ерошит другу волосы. – Бруно переслал мне сообщение, что у нас сегодня, оказывается, вечеринка у Алфредо. Как я мог пропустить? Или ты думал, я после свадьбы совсем забуду про вас, а, приятель?!

– Да. Именно так я и думал. – Отвечает Вэйлон, пригладивая свой затылок. Его рука при этом почти не гнется от старательно скрываемого раздражения. Но Дереку все равно уже не до него. Спрыгнув с барного стула, он приближается к нам. Я вижу его через видеоискатель, оставаясь в тени у столика с десертами. Вижу, как он в привычной манере подмигивает Лотти, а после обнимает Мэри и заправляет ей за ухо светлую прядку, чтобы коснуться губами щеки.

– Малышка, что тебе заказать? – воркует Дерек, а я опускаю фотоаппарат рядом с шоколадным пудингом и снова подношу бокал к губам, продолжая неотрывно следить за молодоженами.

– Любимый, я бы не отказалась от чая, если он есть. А ты выпей, я отвезу нас домой. Знаю же, как тебе этого хочется,

когда у друзей в руках стаканы с виски. – С набитым ртом отвечает Мэри, потираясь щечкой о щетину Дерекка.

Она покорна ему, как волна Посейдону, подвластна, как молнии Зевсу. Ласковая, утонченная, по-детски трогательная и даже невинная. Неискушенная. Неиспорченная. И все прочие «не», которые ко мне не имеют никакого отношения.

Если Декстер любил Элси нежной, покровительственной любовью, то мы с Дерекком были на равных с первого дня. Та же разница в возрасте, шестнадцать против девятнадцати лет, но такая другая любовь. Дерек ухаживал за мной, как за взрослой, обращался ко мне, как ко взрослой, и... любил меня тоже по-взрослому. Так, что на утро у меня ныли мышцы внутренней стороны бедра. Будь это другой парень, отец живо пригласил бы его на охоту и подстрелил вместо лисицы. Но другого парня не было. Был только он. Человек, взявший меня за руку и показавший, каково это, любить «плохого» парня с огромным добрым сердцем.

– Ты лучшая, – говорит Дерек своей жене.

Каких-то три года назад лучшей была я.

– Мэри, это очень мило с твоей стороны, – улыбается Алфредо, забирая у нее пустую тарелку. – Настоящая *gatito doméstico*⁸.

– Мне не трудно, правда, – смущенно отвечает Мэри, стряхивая крошки с уголков губ, – мне же все равно нельзя пить.

⁸ Домашняя кошечка (исп.)

– Почему? – спрашивает ее Лотти, которая все это время стояла между нашими столиками и настороженно следила за пустеющим бокалом в моей руке. На что Мэри широко улыбается и поворачивается в сторону Дерек, который чокается своим стаканом с Бруно.

– Любимый, скажи всем! – просит она, и мое сердце выпадает из грудной клетки прямо ей под ноги. Дерек взглядом проверяет, не было ли это шуткой, а потом обводит торжественным взглядом каждого из нас. Проходит секунда, две, и новость тяжелым молотом рассекает внезапно сжавшийся воздух.

– У нас будет ребенок, парни! – провозглашает Дерек, скидывая кулак. Кровь отливает от моего лица, легкие не получают нужную порцию воздуха, а в ушах начинает звенеть. Я прирастаю к полу и беспомощно хлопаю ресницами, мой мозг отторгает услышанное и не дает лицу выразить хоть какую-то эмоцию.

Бруно, Декстер, Рэндал и Стефан рвут глотки в победном кличе, Алфредо восторженно хлопает в ладоши, рука Вэйлона замирает в воздухе с чашкой кофе, а Лотти в панике пытается придумать, как вывести меня из ступора.

В момент, когда Дерек подхватывает Мэри со стула и кружит вокруг себя, бокал в моей руке раскалывается, и стекло вперемешку с алой жидкостью вонзается в деревянный пол.

Глава 7

В волнах общей радости тонет мой отчаянный вздох. Я пячусь на кухню, где помощник делает заготовки к воскресному завтраку, и толкаю железную дверь, ведущую во внутренний двор. Остывший вечерний воздух ударяет в голову, и я прижимаюсь к холодной кирпичной стене за мусорными баками. Тут темно и сыро, как у меня на душе. Беременна. У Дерика будет ребенок. И он об этом знал, когда шагнул навстречу моим губам сегодня утром.

Я встряхиваю мокрой от вина рукой, не понимая, когда жидкость успела стать такой теплой.

– Бекки! Бекки, где ты?! – зовет меня взволнованный голос Лотти. Я не отзываюсь, но она довольно быстро вычисляет в темноте мою макушку.

– Господи, Бекки! – уже в ужасе шепчет она, хватая меня за запястье. – У тебя же кровь так и хлещет!

– Это вино...

– Ты раздавила голой рукой стеклянный бокал! У тебя вся ладонь исполосована! Присядь, милая, я сбегая за Рэном!

– Не нужно... – вяло вздыхаю я ей вслед. У меня кружится голова, и я не могу разобраться, это во дворе так темно или у меня в глазах?

Приглушенные звуки субботнего веселья летят из всех соседних заведений, жизнь бурлит и бьет фонтаном буквально

за стеной. А я стою в оглушительной тишине и позволяю своим избитым мыслям дробить на крошки воспаленные мозги.

– Рэн, она за мусорным баком, кажется, у нее шок, она даже не понимает, что порезалась! – спустя несколько минут пробивает мою тишину срывающийся от волнения голос Лотти.

– Я понял, я понял. – Отвечает ей раздраженный Рэндал. – Не надо толкать меня, Ло! Вернись внутрь, тут холод собачий! Я позабочусь о ней, а ты отвлеки Мэри, если не хочешь, чтобы Дерек обвинил нас в ее выкидыше на нервной почве!

И спустя минуту его огромная лапа хватается за запястье.

– Больная идиотка! Ты уморить себя решила?! – ругается Рэн, вкладывая мне в здоровую руку свой телефон. – На, держи фонарик, посвети мне, тут же ни черта не видно!

– Хватит ругаться, Рэн, – с необъяснимой сонливостью в голосе отзываюсь я.

– Хватит ругаться?! Ты себе ладонь порвала, у тебя осколки торчат из раны, а я должен перестать ругаться?! – Рэндал откручивает пробку от бутылки джина, которую притащил с собой, и поднимает на меня свои темно-зеленые глаза. – Мне нужно промыть рану. Будет жечь, но придется потерпеть, хотя бы из уважения к «Бомбей Сапфиру»! – он трясет перед моим носом бутылкой из голубого стекла. – Бесценная жидкость сейчас канет в небытие... – вздыхает Рэн и выплескивает мне на руку алкоголь, вынужденную замену

антисептику.

Обжигающая боль выводит меня из ступора, и я захожусь неистовым воем. Обматерив Рэндала с ног до головы, вдыхаю поглубже и начинаю рыдать.

– В ране остался осколок. Голыми руками я его здесь не достану, Бекси, – констатирует Рэн, игнорируя мои проклятия. В этот момент он уже не бобер и не медведь. Он будущий врач, лучший интерн отделения общей хирургии. – Нужно ехать в больницу. Кровь уже свернулась, значит, задеты только кожные покровы. Сейчас я протру края раны, и мы поедем. Только не опускай руку вниз, держи ладонь поднятой. Вот так, умница. Постарайся ничего не задеть, чтобы осколок глубже не вошел.

Профессия преображает Рэндала. Смягчает, сглаживает его грубость и неповоротливость, оставляя в голове только одно знание: я должен помогать.

– Все, Бекси, не плачь, – он склоняется к моему зареванному лицу и большими пальцами стирает со щек потекшую тушь, – до свадьбы заживет. – Добавляет он, кривя тонкие губы в усмешке.

– Ты такой дурак! – жалуясь я, но улыбаюсь сквозь слезы.

Поддерживая под локоть, Рэндал выводит меня через внутренний двор на оживленную улицу, залитую светом фонарей и манящих вывесок бесчисленных баров Сохо. Сентябрьский вечер набирает обороты: пока мы пробираемся к машине Декстера, мимо нас пробегают стайка девушек

на каблуках, группа парней, вышедших на охоту, красавицы-подружки и невеста с пластиковой тиарой и фатой. В них жизнь так и бурлит, у них интригующе сверкают глаза, а в сердцах пульсирует приятное томление. Все еще впереди. У них.

Черный Вольво Декстера с трещиной на лобовом стекле выглядит по-хулигански на фоне кабриолетов и спортивных автомобилей. Рэндал ловко вырывается с парковки и вливается в общий поток машин. Я поеживаюсь и включаю обогрев сидения. В моих запутавшихся от ветра волосах теряются одна слеза за другой. Теперь они текут по щекам уже независимо от моей воли. Потому что воли больше нет. Ребенок. Будущий маленький человек, который стал продолжением любви Мэри к Дереку. Продолжением, которого я так желала для своей к нему любви.

Тупая боль бьет по сердцу, заглушая ту, что была вызвана расколотым бокалом. Рэндал вытаскивает осколок, перевязывает ладонь бинтом, и через пару недель на ней останутся только розовые бороздки шрамов. А ошметки моего сердца не сошьет никто. Впрочем, бокал тоже никто не склеит. Алфредо сметет его останки в совок и выбросит в мусорный бак. Выходит, не так уж и мало общего между битым стеклом и битым сердцем. Ни то ни другое не нужно никому. Слишком много хлопот.

– Ло собрала ваши вещи, Вэйлон отвезет ее в Фицровию, и она будет ждать тебя дома, – зачитывает сообщение Рэндал,

когда мы выезжаем на Риджент-стрит. – Остальные ждут, что я вернусь и развезу их по домам. Хорошо отдохнул, ничего не скажешь.

Я оставляю без внимания его откровенный упрек в свой адрес и прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

– Бекси, – Рэн вздыхает, выгоняя из легких воздух и раздражение, – до тебя такую драму переживали тысячи людей по всему миру. Если тебе кажется, что ты первая и единственная такая несчастная, это не так. До тебя. Это. Кто-то. Уже пережил. И ты переживешь.

– Перепутал интернатуру хирургии с психологией? – всхлипываю я, переводя взгляд на его лицо. Квадратный подбородок и слишком острые скулы постоянно ловят свет проплывающих за окном фонарей. – За сеанс психоанализа платить не буду!

– Ты никогда и не платила. Хотя мы провели уже сотни. – Рэн зубами вытаскивает из пачки сигарету и вопросительно поднимает лохматую бровь.

– Нет у меня зажигалки, я же бросила.

– Лучше бы ты бросила пушкаться шопли по женатому. – Шепелявит Рэн, не выпуская изо рта очередную дозу никотина, и тянется через меня к бардачку, чтобы извлечь оттуда зажигалку Декстера.

– Лучше бы ты вел машину двумя руками. – Огрызаюсь я и снова отворачиваюсь к окну. Рэндал бьет меня моей же битой, пытаюсь отвлечь внимание от Дерека, но иногда эти

удары действуют эффективнее безмолвной поддержки Вэйлона. Как, например, сейчас.

– В любви нет ничего такого, чтобы так сильно из-за нее убиваться. Ты ее не съешь, не подогреешь, если остынет, в морозилку не засунешь, если срок годности будет истекать. Если она с гнильцой, кусочек не отрежешь. Любовь – это непрактично, Бекси. – Рэн говорит так, будто никогда в жизни не испытывал чувства сильнее голода.

Я только закатываю на это глаза и отстегиваю ремень безопасности. Мы приехали.

Двенадцатиэтажное здание больницы Святого Томаса выглядит, как корма огромного межатлантического лайнера, рассекающего ночное море. Сплошные стекла и суetyающиеся по ту сторону люди. Только люди эти в белых халатах, а в руках у них не коктейли, а карточки пациентов, шприцы и стетоскопы. И несутся они не в казино или ресторан, а на зов пациента.

– Вечерний обход, – объясняет мне Рэндал, – через полчаса заканчивается смена, и заступают ночные.

Он ведет меня мимо главного входа с газоном и красивым фонтаном туда, где кипит настоящая работа. Скорые караваном стягиваются к приемному покою, выгружая к его порогу больных: кто-то выходит сам, кого-то под руку ведет санитар, двоих вывозят на каталках и без очереди вверяют медсестрам.

– И это самый обычный день, – роняет Рэн, приветственно

кивая одному из санитаров, – представь, что творится, когда случается авария или пожар.

Приемный покой в этот субботний вечер буквально трещит по швам. Несколько медсестер, как регулировщики, сортируют больных по будущим отделениям, еще три заполняют карточки, а две непрерывно передают по телефону информацию врачам. И при этом каждая выслушивает от родственников, прибывших с пациентами, претензии и ругань касательно того, что те плохо выполняют свою работу.

– Рэн, – шепчу я, дергая парня за рукав, – здесь же аврал. Ну куда я со своим жалким порезом, когда у мужчины голова вся в крови!

– Уверяю тебя, он просто рухнул пьяным со скамейки на асфальт. Стой здесь.

Рэндал бросает меня возле девушки, прижимающей к груди неестественно выгнутую руку, и несется к стойке регистрации. Молоденькая медсестра поднимает голову от бумаг, готовая столкнуться с новой волной обвинения, но, узнав Рэна, смущенно улыбается и встает. Тот начинает ей быстро что-то наговаривать, а она смотрит на него, как овечка глядит на волка. Бледные щеки покрываются румянцем, глаза блестят уже не от усталости. Рэндал ей очень нравится. И я пытаюсь взглянуть на него глазами медсестры, чтобы понять, каким же она видит нашего лешего.

У него непослушные темно-русые волосы, которые он постоянно зачесывает назад по утрам, но к вечеру пряди вол-

нами спадают на широкий лоб. Брови, как две мохнатые черные гусеницы, выглядят устрашающе, когда их хозяин в гневе. Губы тонкие, как ниточки, а болотные глаза большие, как и нос. Рэндал широкий, но только по комплекции, в отличие от перекачанного Декстера. Работа сильно его истощает. У него времени нет на постоянные кофе-брейки, бранчи и деловые обеды, которыми теперь не брезгует мой старший брат. Голос у Рэна грубый и низкий, будто он постоянно простужен или рассержен. В старости он будет тем самым ворчливым дедом, который на корню гасит любую инициативу или смешную историю.

Тем не менее этому деду удастся убедить медсестру пустить меня в процедурный кабинет без очереди.

– Рэн, ты ей нравишься! – заявляю я, едва поспевая за его широкими быстрыми шагами по ярко освещенному коридору первого этажа.

– Побыстрее, – командует он вместо ответа. – Вышлешь мне сегодня же по почте данные своей страховки. Этим девочкам в приемном и так проблем хватает!

Рэн заводит меня в процедурный кабинет, где рыжая молодая женщина уже бинтует голову тому самому мужчине, которого я заметила на входе. А он пьяным прокуренным голосом исполняет ей «мы чемпионы! Мы чемпионы!»⁹ со всей страстью, что только смог найти на дне бутылки. Рэн оказался прав.

⁹ Песня британской рок-группы Queen.

– Садись, – кивает он в сторону свободной кушетки.

– Рэйни, зря ты сюда сегодня приехал. – Говорит ему женщина-врач, стараясь перекрыть голосом песнопения своего пациента. – Хант в бешенстве, ему не хватает рук. Увидит тебя здесь, и домой ты отправишься только к утру.

– К утру понедельника, – бросает ей Рэндал из-за ширмы, где моет руки. Женщина смеется звонко и легко, как колокольчик, и вокруг ее глаз ложатся маленькие морщинки. Меня одну смущает восхитительный спиртовой амбре, который исходит из глотки поющего.

Остальным уже все равно. Они видели больше. Каждый из них.

Когда Рэн пододвигает ко мне дребезжащий столик с железным лотком с антисептиком, бинтом и длинным пинцетом, я нервно сглатываю. В руке понимающе отдается боль.

– Бекси, все нормально. Расслабься, – тихонько просит меня врач. А я лишь поднимаю глаза к стерильно-белому потолку и сосредотачиваюсь на мерцающей светодиодной лампе. Я считаю, сколько раз она мигнет за минуту, а Рэн укладывает мою руку перед собой на столик, надевает одноразовые перчатки и берет инструмент. Я морщусь от спирта, которым он дезинфицирует мою ладонь, и внутренне сжимаюсь, когда холодный металл пинцета касается теплой кожи. В момент, когда певец с обмотанной головой грянул «нет времени для лузеров!», к нему подключается мой жалобный скулеж. Рэндал достает осколок.

– Ну все, вот и все, – приговаривает он, повторно обрабатывая ранки. Он дует на ладонь, умаляя щиплющую боль, и ловко перебинтовывает. – Ну что ты, маленькая? – Рэн стаскивает с себя перчатки и проводит пальцем по моей щеке, оставляя на месте слезы свой тальковый след. – Едем домой?

Я киваю и шмыгаю носом вместо «спасибо». Смотрю, как Рэн выбрасывает окровавленные салфетки вместе с перчатками и осколком, бросает пинцет в контейнер с использованными инструментами, протирает спиртовой салфеткой столик и отодвигает его в угол.

Будто нас и не было здесь. Почему нельзя так же убраться и в своей жизни? Простерилизовать ее, выбросить использованные воспоминания и начать сначала.

– Порядок, Бекси? – тихо спрашивает Рэн, обнимая меня за плечи, пока мы шагаем по коридору к выходу. Я задирю голову и благодарно гляжу на него в ответ. Все-таки случаются между нами моменты, когда мы не раздражаем друг друга до скрежета зубов.

И чаще всего они происходят, когда Рэндал врач.

– Спасибо тебе, леший. – Вздыхаю я, и Рэн довольно ухмыляется.

– Сфотографируешь мой мотоцикл так, чтобы его купили, тогда и сочтемся.

Мы не успеваем ступить в хаос приемного покоя, как Рэндала по фамилии окликает рассерженный мужской голос. Мы синхронно оборачиваемся, чтобы увидеть высокого ху-

дощавого доктора в расстегнутом халате поверх синего хирургического костюма. Он поправляет на носу очки и сквозь толстые стекла глядит на Рэна, выжидающе шевеля седыми усами.

– Я отправил тебя отдыхать, мой друг. Отдыхать. – Гремит его голос, так и не дождавшись реакции Рэндала.

– Доктор Хант, мне пришлось...

– Тебе всегда приходится, Рэйни! В одиночку ты планету не вылечишь! Марш домой, или я поставлю тебе три дежурства подряд!

– Вас понял, сэр! – Рэндал шутливо берет под козырек, цепляет меня за локоть и тащит к дверям.

– Почему они все зовут тебя Рэйни? – спрашиваю я на бегу.

– Хочется верить не потому, что от моего вида им хочется плакать.

Перед нами уже разъезжаются стеклянные двери, когда Рэндал оборачивается. Доктор Хант, сосредоточенно почесывая подбородок, изучает медицинскую карту, а рядом с ним стоит пожилая женщина, крепко стискивая ручки инвалидного кресла. В нем сидит совсем молоденькая девушка, и ее лицо перекошено от боли и страха. Рэн замирает на месте. Доктор не успевает дать ответ старушке, как к нему подлетает взъерошенная медсестра со стопкой направлений, невольно оттесняя собой пациентку. Она плачет и в панике пытается что-то объяснить.

– Нет. Не могу я уйти, Бекси. – Тихо говорит мне Рэн. – Это стало моим наркотиком. Если вовремя не уйти, уже никогда не сможешь. Прости.

– Я понимаю.

... Он отпускает мою руку и шагает в пекло ночной смены в больнице.

Глава 8

Я возвращаю из спама вчерашнее письмо от Софи Девис, умолявшей меня приехать в графство Девон, чтобы сделать фотоотчет для сельской ярмарки. Теперь оно не кажется мне таким уж нелепым, каким я сочла его накануне. Ведь тогда я еще не знала, что Мэри и Дерек ждут ребенка, и не успела располосовать себе ладонь битым стеклом.

Выйдя из больницы одна, я больше не плакала. Мои глаза устали, а слезные каналы высохли. Дома, где ждали меня Лотти и Вэйлон, я лишь виновато улыбнулась, демонстрируя им свою перевязанную руку. Они ни о чем не спрашивали и не утешали, за три года успев понять, что эта тоска безутешна. Оба были готовы принять меня в свои объятия, но я выбрала руки Вэя. Он большой, теплый и сильный. Обнимает так крепко, словно заслоняет собой от целого мира. Пахнет так здорово и по-мужски, что голова кружится.

В последнее время я стала замечать, что тянусь к нему значительно чаще и задерживаюсь в его руках значительно дольше, чем делают друзья. Даже обнимаю его не так, как остальных друзей Декса. Встаю на носочки и, словно в замедленной съемке, веду руками по его широким плечам, пока не сцепляю пальцы в замок у него под лопатками. Вероятно, это просто боль в сердце увеличилась...

Вэй уехал, но утром вернулся снова. С горячими булоч-

ками, кофе и своим огромным чувством безмолвного понимания. Сейчас он тихонько наигрывает на фортепиано «Любовь моей жизни» группы «Queen», Лотти в центре гостиной отпаривает портьеры для заказчика, а я вбиваю в поисковую строку название места: Джинбери. Ни слова. Только предложение исправить запрос на «Джон Берри». Я открываю было рот, чтобы спросить, не слышали ли ребята об этой деревне, но вовремя останавливаюсь. Даже если я отважусь уехать из Лондона в далекое графство близ Ла-Манша, то уеду одна. Ведь в каждом из них: Декстере, Лотти, Вэйлоне, Рэндале и Бруно живут осколки моей боли, моей прошлой и гораздо более счастливой жизни. Чтобы вернуться в нее, я должна навсегда забыть дорогу в Белгравию. Найти в себе силы и забрать у Дерека свое сердце.

Чтобы не передумать, я быстро печатаю Софи Девис свой положительный ответ, спросив только, на какой срок мне предстоит задержаться в Джинбери.

Когда я отгалкиваю от себя ноутбук, чтобы приняться за остывшую булочку с джемом, на моем телефоне загорается уже третье за утро сообщение от Викки Ставински. Молодая мама, сына которой Бруно так удачно пристроил мне на уроки плавания, боится, что я забуду или опоздаю на пробный урок.

Возможность тренировать детишек в лучшем центре водных видов спорта Лондона – привилегия, которой все равно недостаточно, чтобы я могла тренировать на профессио-

нальном уровне. Я ушла из спорта слишком рано, слишком скоропалительно и даже не на пике. Тренер без регалий не нужен никому. Только мамочкам, которые хотят приучить своих детишек к воде перед поездкой на море. Таких мамочек и подыскивает для меня Бруно. Ведь он блестящий пловец в стиле баттерфляй, который в следующем сезоне будет отбираться в сборную страны. И я бы могла быть вместе с ним. На соседней дорожке.

Но три года назад для меня закончилось очень многое: жизнь Элси, любовь Дерека, карьера кролистки. Я не успела получить ни одного действительно престижного кубка, ни одной медали. Все, что мне осталось после перелома малой берцовой кости, – длинный змеевидный шрам, который тянется от лодыжки до середины голени.

Вэйлон подвозит меня до спортивного комплекса, и мы несколько минут сидим в полнейшей тишине, любуясь тонкими изгибами стен, делающих здание похожим на приземлившийся космический корабль.

– О чем ты думаешь? – нарушает молчание Вэй. Я упираюсь затылком в кожаное сиденье, поднимаю подбородок повыше и закрываю глаза.

– Представляю, что сейчас две тысячи пятнадцатый год, мне восемнадцать. – Тихонько начинаю я. – Ты привез меня сюда после учебы на своей белой Веспе. У меня за спиной спортивная сумка с купальником, очками и шапочкой. Я сейчас зайду внутрь и встречу с Бруно и... Элси. Трене-

ры будут гонять нас до потери пульса, так что Бруно начнет умолять о конце света. – Вэй усмехается, а я продолжаю. – Когда мы выйдем на улицу с мокрыми волосами, Декстер и Дерек будут ждать у главного входа. Декс начнет нас фотографировать, а Дерек будет в шутку просить автограф... у будущих олимпийских чемпионок. – Голос подводит меня. Я судорожно втягиваю носом воздух, но продолжаю. – А сейчас я открою глаза и пойму, что ничего больше не осталось. Только ты. – Закусываю губу и смотрю на Вэйлона в упор. – Привез меня сюда на своем белом Лексусе.

Вэй опускает глаза, пряча их под густыми ресницами. Расстроился. Но когда он вновь обращает ко мне свой взгляд, слабый разряд тока сотрясает мое сердце от решимости, в нем загоревшейся.

– Я всегда рядом, Бекки. – Его большая теплая ладонь накрывает мою, перебинтованную, и легко сжимает.

Смотрю на наши руки и медленно обхватываю своими пальцами его. Моя ладошка такая маленькая, но так уютно умещается внутри, что я ловлю себя на мысли, будто не так уж и сильно хочу уходить. Аромат древесной стружки впере-мешку с парфюмом от «Ив Сен Лоран» мягко обволакивает весь образ Вэйлона и простирается ко мне по его руке.

В последние годы Вэй зачастил в спортзал, но свою мускулатуру предпочитает скрывать за мешковатой одеждой. Вот и сейчас на нем светло-серая толстовка, в которой места хватило бы на нас двоих. Одергиваю себя от этой странной

мысли и поднимаю на него глаза.

Я всегда понимала, чем Вэйлон покоряет девушек, но никогда при этом не заглядывала внутрь себя. Ведь его участие и забота обо мне и Лотти была делом совершенно естественным. Мы были счастливицами, которым «немой Люцифер» достался просто так. По дружбе. Мы обе были не в его вкусе: темноволосые коротышки без форм. Вэй предпочитал высоких блондинок с ногами подлиннее.

Но Вэйлон невозможен. Он, как кино для взрослых или сцена в книге с меткой «18+»: если уже начал, не оторваться. В нем будоражат даже блеклые веснушки. Он отрывает взгляд от наших рук и поднимает глаза на меня. Густо-карие, без тени улыбки, пронизывающие насквозь. Я всегда стараюсь их избегать, но сейчас не могу. Я уничтожена, мне хочется ощутить что-то кроме горечи разбитого сердца. Хочу понять, *что* испытывают высокие блондинки перед тем, как провалиться в омут его чар.

Точно замороженная, я смотрю, как он подносит наши сцепленные руки к своим губам. Перестаю дышать, не веря в происходящее, когда он оставляет слабый поцелуй на моих костяшках.

Вэйлон тихо вздыхает и возвращает руку мне на колени.
– Иди, опоздаешь.

Я смаргиваю и слишком быстро вылетаю из машины, споткнувшись о бордюр. Мне приходится пару минут постоять на свежем воздухе, чтобы прийти в себя и вспомнить, что

Вэйлон не вкладывает в подобные действия скрытый смысл. Он просто такой. Такой...

Папа говорит, я насилую себя, возвращаясь в бассейн снова и снова, не имея возможности тренироваться. Пускай. Пускай я облачаюсь в раздевалке не в купальник, а в спортивный костюм, пускай команду я, а не мной, близость к такой родной стихии дарит ощущение, что я все еще жива.

Малыш Ставински держится на воде очень хорошо. Нам хватит недели, чтобы научить его плавать без жилета или нарукавников. Мы тренируемся в лягушатнике с теплой водой, где профессиональные спортсмены обычно начинают свое восстановление после травм. Где я сама так и не смогла восстановиться.

Викки Ставински огорчена успехами своего сына. Ей явно хочется, чтобы сынок ходил заниматься как можно дольше, ведь за стеклянной перегородкой рассекает воду широкими гребками настоящий Посейдон. Бруно хорош в воде даже после трех стаканов виски, выпитых накануне. Сейчас межсезонье, так что он позволяет себе немного расслабиться. Но только немного. В отличие от Декстера он знаком с чувством меры.

Когда мама Ставински уводит сына домой, я спускаюсь на трибуну, чтобы в одиночестве понаблюдать за тренировкой Бруно. Но чем дольше я слежу за ним, тем острее ощущаю присутствие Элси на соседней дорожке.

Нет. Девушка, которая на ней тренируется, образует

слишком много брызг. Руки Элси входили в воду, как ножи в подтаявшее масло.

– Бекки! – радостно машет мне Бруно, подтягивается на руках и вылезает из бассейна. Я делаю вид, что смущена, и отвожу глаза от его мокрого соблазнительного торса, по которому стекает в гидрошорты вода. Бруно подлетает ко мне, хватая за плечи и принимается бодать своей взъерошенной башкой, оставляя на футболке мокрые пятна.

– Хватит! Хватит, Бруно! – визжу я, задыхаясь от хохота. – Ты намочишь мне повязку на руке!

– Поужинаем вместе?! – Бруно так резко вскидывает голову, что едва не вышибает мне зубы своим затылком. – Я такой голодный! У меня живот так урчит, будто в нем унитаз смыли! – его мужественное лицо складывается в комичную мордашку, пухлая нижняя губа в мольбе выпячивается, а глаза жалобно округляются.

Я ухмыляюсь и запускаю пальцы здоровой руки в его короткостриженные волосы цвета ночи.

– Ты такой дурачок, Бруно Крэй. Был им и остаешься! – приговариваю я, слегка потянув того за загривок.

Прохладный июльский ветер играет выющимися прядками, выпавшими из моего пучка, пока мы бредем к ближайшей пиццерии. Бруно, закинув свою и мою спортивные сумки себе на плечо, постоянно шутит и не смолкает ни на минуту. Ему необходимо, чтобы его слушали. С девушками он очаровательный обольститель, который знает, что и когда

нужно сказать, и только мы, его друзья, знаем, сколько же мусора в его красивой голове.

– Мне сегодня снилась ты, представляешь, Бекки?! Ты была в белом платье. Стояла на скале, а внизу простиралось штормящее море. Серое, до самого горизонта. Ты смеялась, а по щекам у тебя бежали слезы. Ветер драл твою юбку и волосы, но ты и внимания на него не обращала. А потом ты подалась вперед и шагнула с обрыва. Но не упала в море, а побежала по воздуху, потому что ветер толкал тебя в спину и не давал упасть! Интересно, что это значит?

– Это значит, что вчера кто-то перебрал, дружок! – хихикаю я, потому что пересказ сновидений у Бруно – одна из любимых тем для обсуждения. Он может позвонить рано утром, чтобы поделиться свежим сном, вынести им мозг здравомыслящему человеку и со спокойной душой повесить трубку.

Взгляд Бруно гаснет, и я понимаю, что задела его. Да уж, хороший из меня друг, ничего не скажешь.

– Думаю, ветер – это хорошо. Тем более попутный, – отмечаю я, и улыбка вновь возвращается Бруно на лицо. Он включается в разговор и не закрывает рот до тех пор, пока меню пиццерии не поглощает все его внимание.

Бруно всегда изучает меню любого ресторана с таким видом, будто собирается что-то из него заказывать. Он хмыкает и облизывается, изучая особенно аппетитные позиции, а когда подходит официант, заказывает кусок отварной говья-

дины с цветной капустой и морковкой на пару. Диета. Оковы профессионального спортсмена.

Только теперь к своему стандартному ужину и моей пеперони Бруно добавляет виски, двойной.

– Третий день подряд алкоголь? Твой тренер знает? – настораживаюсь я.

– Обязательные тренировки начинаются через неделю. Сейчас у меня вроде как отпуск. – Беспечно бросает Бруно, откидывается на спинку диванчика и протягивает под столом свои длинные ноги.

Пиццерия «Киполино» вобрала в себя весь дух Италии, который только мог витать в Лондоне. На широких подоконниках растут базилик, орегано и тимьян, так что их ароматы сплетаются в воздухе с тестом и томатами и раззадоривают носы голодных гостей. Столики – маленькие деревянные со скатертями в бело-красную клетку, а в глубине зала – настоящая дровяная печь. Бруно с завистью наблюдает за новой пиццей, отправившейся в ее огненную пасть, когда я решаю продолжить свой допрос.

– Так значит, с чувством меры у тебя все хорошо? – Бруно переводит взгляд на меня, но ничего не отвечает. – Не о чем волноваться? Не помню, чтобы ты прежде столько пил даже в отпуске...

Я вглядываюсь в его красивое лицо, кажущееся сейчас таким серьезным и взрослым, будто это и не Бруно вовсе. Его темно-синие глаза мерцают в свете свечки, что зажег перед

нами официант, а под ухоженной щетиной начинают нервно ходить желваки.

– Что происходит? – шепчу я, и мы оба следим со стаканом, который опускается на стол перед Бруно. – Мне то же самое, пожалуйста. – Прошу я официанта. И больше мы не произносим ни слова до тех пор, пока я не получаю свой напиток.

– Это все... очень сложно, – тихо говорит Бруно, когда я делаю первый глоток. Вуаль печали скрывает его всегда жизнерадостную улыбку. И в это мгновение я хочу стать сканером, который до последней буквы считывает мысли с его головы. Я хочу знать, что не так. Мне важно знать, в моих ли силах ему помочь.

Бруно отправляет в себя добрую порцию виски, а я обхожу наш столик и сажусь рядом с ним, плечом к плечу. Моя перебинтованная рука накрывает его и отодвигает стакан в сторону.

– Я чувствую, что я один. – Наконец признается Бруно. – Кому я буду нужен, когда закончится моя спортивная карьера? Пройдет еще лет пять, и у всех вас будут свои семьи, дети, а я останусь один с бутылкой бурбона. Старый пловец с пыльной медалью на шее. Так почему бы не начать уже сейчас привыкать к ее обществу?

– Ты что такое говоришь?! – почти в голос возмущаюсь я. – Бруно, почему...

– Потому что со мной девушкам нравится только спать. –

Отрезает он, снова тянется к стакану и делает из него большой глоток. Я не останавливаю его на сей раз, а следую примеру. Еду нам еще не принесли, закусить нечем, так что я просто жмурюсь, а Бруно занюхивает моими волосами.

– Они любят это, – Бруно очерчивает пальцем контур своего лица, – и это, – бьет себя кулаком в пресс. – Моя душа никого из них не интересуется. Когда я спрашиваю, что им снилось ночью с четверга на пятницу, они глупо хихикают и крутят пальцем у виска. Девушкам нравится, что я делаю с ними в постели, и им нравится относить меня к списку своих приключений, чтобы в старости сидеть рядом со своим храпящим дедом и осознавать, что в молодости попробовали все. Элси говорила, я умный, что я мог бы выучиться в университете и получить степень по литературе, написать роман... но она умерла! – голос Бруно срывается, и он заглушает свое отчаяние остатками виски. – Раньше я плавал и знал, у нас с вами одна судьба на троих. Теперь же каждый раз, когда я ныряю в бассейн, то не могу отделать от мысли: что, если бы не ты, а я прыгнул за Элси в Темзу? Если бы я не струсил, как последнее...

– Хватит! – умоляю я, изо всех сил стараясь сдержать слезы. – Бруно, мы договаривались...

– Я знаю, Бекки, прости. – Вздыхает он, прижимаясь ко мне виском. Я осушаю свой стакан. Когда официант опускает перед нами пиццу и говядину, мы синхронно просим повторить напитки. А потом еще раз.

Тепло заполняет мои внутренности и пронзает до кончиков пальцев. Все инстинкты обостряются, я до чертиков пьяна. Лениво дожевывая последний кусочек пеперони, я прислоняюсь к груди Бруно, и он обнимает меня одной рукой. Прикосновение приятно обжигает, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть тому в лицо. Оказывается, оно значительно ближе, чем я ожидала. Помутневшие от виски глаза внимательно изучают мои веснушки. Я облизываю губы. Бруно подавляет вздох и обнимает меня крепче. Сердце начинает биться в неправильном, давно забытом ритме.

– Пожалуйста... – неожиданно для себя самой шепчу я. – Бруно, пожалуйста...

Он не заставляет меня просить. Влажные горячие губы прижимаются к моим. И все мое одиночество выплескивается в наш поцелуй. Но Бруно обрывает его слишком быстро.

– Нет. Нет, я не буду этого делать. Ты мне как сестра, Бекки! – виновато трясет он головой и быстро обнимает меня, упираясь подбородком в мою макушку, чтобы не передумать.

– Да... прости меня, – шепчу я, – я просто...

– Я тоже.

Чувствую себя самым разбитым человеком на свете. Жизнь затянута туманом, как небо Альбиона.

Глава 9

Всю следующую неделю я живу, ощущая себя рыбой, пойманной на крючок, но еще не выуженной из воды довольным рыбаком. Я тренирую маленького Ставински, фотографирую меню для еще одного заказчика, помогаю Лотти с эскизами, но мысли мои роятся вокруг девушки Софи из таинственного Джинбери. Необходимость уехать из Лондона остра, как никогда прежде. А это место, которое мне удалось отыскать лишь на пожелтевшей от времени карте в старом букинистическом магазине, кажется отчаянной загадкой, которую так хочется разгадать.

От каждого уведомления на телефоне у меня подскакивает пульс: вдруг она ответила? Но всякий раз сообщение оказывается рекламой или Декстером, который скидывает дурацкие видео, скучая на совещаниях в банке.

Письмо от Софи застает меня у Алфредо в «Жардин», лениво жуящей чуррос в компании Вэйлона. От неожиданной радости я давлюсь десертом и захожусь неистовым кашлем, прежде чем нахожу в себе силы поднести к глазам телефон.

«Ребекка! Здравствуйте!»

Я поверить не могу! Вы действительно ответили! Ох, если бы я не послушала старуху Клайв, которая сказала, что мотаться каждый день в Уилленд и проверять электрон-

ную почту – это пустая трата времени и денег, вы бы могли получить ответ в тот же день! Какой стыд! Я вернусь и утру ей нос! Пусть сама дальше разбирает свой хлам во дворе.

Ну все, все, теперь я перехожу к делу, а то Росс уедет, и мне придется топтать домой пешком. Ярмарка длится неделю в двадцатых числах октября и приурочена к Национальному Дню яблока. Но подготовку мы начинаем с сентября, поскольку возведение декораций, лотков и прочего отнимает тучу времени. Мы бы очень хотели, чтобы вы засняли этот процесс. Вам у нас будет очень хорошо, Ребекка. Мы добрые люди (даже Клайв, когда выпьет рюмку портвейна), хоть и отстали от нынешнего века. Живем мирскими заботами, радуемся своевременному дождю и огорчаемся из-за неурожая.

Ну вот, я снова отвлеклась. Просто очень сильно хочу убедить вас приехать!

Конечно же мы вам заплатим. Столько, сколько сами скажете. У нас достаточно сбережений, которые покроют все ваши расходы. В случае победы денежный приз, разумеется, тоже будет вашим.

Если вы согласны, напишите, когда сможете приехать к нам. Пришел Росс, сейчас прицепит к моему письму фотографию одной из наших улиц. Говорит, моя писанина не способна вдохновить даже табуретку.

Я отвечу вам завтра в это же самое время, Ребекка! Сно-

ва надеюсь, что вы не скажете «нет».

*С уважением и пожеланиями вкусного чаепития,
Софи Девис»*

А ниже действительно прикреплен снимок. И одного взгляда на него достаточно, чтобы я перенеслась в мир сериала «Аббатство Даунтон» или на страницы романов Джейн Остин.

Симпатичные двухэтажные коттеджи с белыми стенами и покатыми бурыми крышами выстроились рядком вдоль мощеной дороги, на которой остановился огромный сенбернар. Он смотрит на серого кота, застывшего на крыльце против него. К узкому балкончику верхнего этажа прицеплены большие кашпо, с которых гроздьями свисают разноцветные петунии. Я вижу старинную железную вывеску с изображением рыбы, чуть дальше – круглую деревянную с названием какого-то паба. А на заднем фоне снимка – зеленый склон, на котором пасутся несколько лошадей. Ни одной машины, кричащей рекламы или паутины проводов, которые делят городское небо на куски. Сказочное спокойствие и оглушительная тишина.

– Бекки? – зовет меня Вэйлон. Он оторвался от своего чертежа и уже несколько минут сверлит меня глазами. Я чувствовала на себе его внимательный взгляд все то время, что читала письмо от Софи. Вэй перекатывает между пальцами карандаш, и я вопросительно мычу ему в ответ.

– Ты улыбаешься, – констатирует он.

– Да, Вэй, кажется, я нашла место, куда перееду на ближайšie пару месяцев, – я впервые озвучиваю это решение вслух. И, черт возьми, оно уже придает мне сил. Знакомая тоска нервно оглядывается: я вот-вот ее обгону.

– Хорошо, – говорит Вэйлон, откладывая карандаш, – и куда же?

Я внимательно изучаю его безупречное гладко выбритое лицо, которое не примеряет на себя ни одной эмоции. Черная прядь упала на бровь, а глаза настороженно сузились. Изучаю дальше: указательный палец катает по столу карандаш: вперед-назад, вперед-назад. Чем дольше я смотрю, тем ожесточеннее совершается это действие. Вэй волнуется.

– Не могу сказать. Пока не могу. Хочу хотя бы месяц пожить совершенно одна, чтобы... – кусаю губу, подбирая слова, – чтобы воспоминания о Дерекe поутихли у меня в голове. Вы все связаны с ним, и я...

– Две недели, – перебивает меня Вэй.

– Что? – я не сразу понимаю.

– Можешь не говорить ничего две недели. – Поясняет он, и я расслабляюсь: если уж Вэйлон одобрил мою затею, значит, одобрят и остальные.

Так и происходит. Я боюсь за Лотти, но она так рьяно убеждает меня поехать, что я уступаю и в тот же вечер пишу Софи, что приеду в конце следующей недели, а она, как обещала, отвечает мне на следующий день.

– Чем больше ты беспокоишься обо мне, тем слабее я себя чувствую! – ворчит Лотти, распластавшись на моей кровати, пока я роюсь под ней в поисках чемодана. – Мы не всю жизнь будем жить под одной крышей. Ты уж прости меня, милая, но я хочу состариться в одном доме с любимым, а не с тобой.

От смеха я дергаюсь и стучаюсь затылком о деревянный каркас. Потирая ушибленную голову, забираюсь на кровать и устраиваюсь рядом с хихикающей Лотти. Она тут же впиивается в меня своими васильковыми глазами.

– Ты уезжаешь одна в неизвестном направлении, а я остаюсь в уютной Фицровии под охраной всех наших четверых рыцарей. Это мне нужно волноваться, никак не тебе! – замечает она, легко толкая меня ногой в синем махровом носке. А потом садится на кровати, поправляет рукава все той же клетчатой рубахи Рэна и закручивает рассыпавшиеся волны каштановых волос обратно в пучок на макушке.

– Лучше дай мне письмо от Софи. Нужно составить список покупок. – Распоряжается Лотти. – И... включи музыку, пожалуйста. – Просит она, потягивая мочку уха, когда я передаю ей распечатку последнего сообщения от Софи. Предварительно я удалила из него поток восторга, порцию новых имен и карту проезда в Джинбери.

Лотти сосредоточенно хмурит свои тонкие брови, изучая распыления Софи о переменчивой погоде графства, пока я включаю с телефона музыку. Как только звонкий голос Риты Оры заполняет пространство моей спальни, Лотти тут же

прекращает нервно терзать мочку своего уха.

Я подавляю грустный вздох, не в силах противиться очередной дозе воспоминаний.

Лотти долго и горько оплакивала гибель Элси. Только делала она это в психиатрической клинике. Она лишилась сна, когда разбухшее тело нашей подруги подняли из Темзы. Волна непреодолимого страха накатывала на нее по несколько раз в сутки. И без того хрупкий организм Лотти, лишенный покоя и сна, начал сдавать позиции.

Врач диагностировал ей ПТСР, посттравматическое стрессовое расстройство. Организм Лотти судорожно пытался адаптироваться к роковой гибели нашей близкой подруги и нашел вот такой извращенный способ. Симптомы и само проявление ПТСР очень похожи на паническую атаку. Учащается сердцебиение, появляется боль в левой половине грудной клетки, немеют конечности, становится нестерпимо жарко, а в легких заканчивается кислород. При ПТСР организм человека ведет себя так, будто трагедия не миновала, а только готовится разрушить его жизнь.

Психиатры называют это флешбэком, состоянием, при котором больной ПТСР теряется между прошлым и настоящим и не может отделить одно от другого. Он не понимает, где именно в его реальности затесалось воспоминание.

Но флешбэки никогда не возникают на ровном месте. Для них нужен индивидуальный пусковой механизм, триггер. Запах, звук, место, человек, мысль, образ, что угодно. У Лотти

их два: вода и тишина.

Именно поэтому она живет под музыку, спит под музыку, работает под музыку. Тишина ее угнетает, раздражает и выводит из состояния душевного равновесия. Что касается воды, то дело конечно не в душевой кабинке и не в дожде. Дело в Темзе, озере Серпентайн в Гайд-парке, Ла-Манше – темных водоемах с течениями, в которых можно беззаветно утонуть.

Лотти научилась избегать своих триггеров, мы – спасти Лотти от ПТСР. Важно напоминать ей, что трагедия уже с нами случилась, Элси уже утонула, а Лотти все это уже пережила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.